

**Российская академия наук
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН**

К.С. Веселовский

**Записки и воспоминания
о моем лицейском товарище,
бывшем министре народного просвещения Александре Васильевиче
Головнине**

Публикация Е.Ю. Басаргиной

Санкт-Петербург
2016

К.С. Веселовский. Записки и воспоминания о моем лицейском товарище, бывшем министре народного просвещения Александре Васильевиче Головнине / Публикация Е.Ю. Басаргиной. Препринт. — СПб., 2016. — 120 с.

Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти: Очерки институциональной истории Императорской Академии наук в XVIII – начале XX в.»).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рукопись, озаглавленная «Записки и воспоминания о моем лицейском товарище, бывшем министре народного просвещения Александре Васильевиче Головнине», хранится в личном фонде К.С. Веселовского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 24. Оп. 1. Д. 42. Л. 2–72 об.).

Свой очерк автор не хотел предавать огласке при жизни, о чем в 1893 г. прямо написал Ф.Ф. Врангелю: «Записки свои я пишу для потомства, т. е. так, что они не могут быть изданы при моей жизни, и если будут когда-нибудь изданы, то разве много лет после моей смерти, когда пройдет *longum aevi spatium*^a. Этим я хочу сказать, что я пишу с полной откровенностью, заботясь единственно о том, чтобы изображение лиц и дел, до которых касается мой рассказ, было правдиво и согласно с истиной»^b.

После смерти К.С. Веселовского при разборе его бумаг было найдено его заявление следующего содержания: «Представляя при сем запечатанный пакет, покорнейше прошу Отделение принять его для хранения нераспечатанным до 1930 года, с тем, чтобы, по вскрытии его в том году в одном из заседаний отделения, было поручено трем членам отделения по разряду историко-политических наук рассмотреть заключающуюся в пакете рукопись и решить, может ли она, по обстоятельствам времени, быть напечатана в одном из исторических сборников, какие в то время будут издаваться»^c. Было решено передать рукопись в Архив Конференции для хранения. Хотя пакет с рукописью был вскрыт гораздо раньше завещанного автором срока, в 1924 г.^d, и давно попала в поле зрения исследователей, она до сих пор не была опубликована.

Воспоминания Веселовского о Головнине представляют несомненный интерес как для истории Академии наук и российского просвещения, так и для характеристики эпохи Великих реформ 1860–1870-х гг. в целом. Веселовский дает выразительный психологический портрет одного из чиновников высшей бюрократии того времени. Убежденный консерватор, Веселовский весьма скептически отзывается о реформаторской деятельности А.В. Головнина, в министерство которого были утверждены либеральный университетский устав и проведена реформа среднего образования. Резко отрицательно оценивает К.С. Веселовский и личность А.В. Головнина, дает хлесткие характеристики его окружения, едкой критике подвергает его попытки вмешиваться в дела Академии наук. Досталось и креатуре А.В. Головнина — президенту Академии наук Ф.П. Литке.

К.С. Веселовский назвал время министерства А.В. Головнина «самым несчастным для Академии наук». Можно только сожалеть о том, что ход истории опровергнет его слова. «Самое несчастное» время для Академии наук наступит через 70 лет после неудачной академической реформы 1860-х гг. (т. е. в конце 1920-х–1930 гг.), а еще через 80 лет, в 2013 г., под видом реформы будет предпринята попытка уничтожить академическую науку. Нам остается только уповать на то, что интеллектуальный потенциал Академии наук, который во все времена был несоизмеримо выше уровня

^a Большой промежуток времени, лат.

^b СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 43. Л. 11. Письмо К. С. Веселовского Ф. Ф. Врангелю. 1893 г.

^c СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

^d СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 42. Л. 79.

государственных умов, позволит ей выстоять и сохранить в стране фундаментальную науку.

Текст документа воспроизводится частично, публикуемый фрагмент касается деятельности А.В. Головнина. Публикация подготовлена согласно действующим «Правилам издания исторических документов в СССР» (1990). В тексте сохранены стилистические и языковые особенности автора; орфография и пунктуация соответствуют современным нормам правописания. Имеющиеся оригинальные подчеркивания и курсив переданы полужирным шрифтом. Встречающиеся в тексте библиографические ссылки оформлены по ныне действующим правилам.

Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти: Очерки институциональной истории Императорской Академии наук в XVIII – начале XX в.»).

К.С. Веселовский

Записки и воспоминания о моем лицейском товарище, бывшем министре народного просвещения Александре Васильевиче Головнине

Из числа людей, с которыми в течение моей долгой жизни мне пришлось быть в близких отношениях, самое видное место занимает Александр Васильевич Головнин, как по той исторической роли, какую он разыграл в царствование Александра II, так и потому что почти вся его жизнь и его особенности служебной карьеры протекли, так сказать, у меня на глазах и я мог проследить все постепенное развитие этого цельного и во всяком случае замечательного характера. Биография Головнина представляет, независимо от его значения как государственного деятеля еще особый интерес с психологической точки зрения.

Жизнь всякого, сколько-нибудь выдающегося человека может быть любопытна для наблюдательного философа, если она раскрыта настолько, что позволяет ясно видеть связь фактов внешней жизни с духовной стороной человека и оценить побудительные причины и истинные цели действий. Тем любопытнее проследить жизнь Головнина, так как она, по своей цельности, представляет собой, несомненно, весьма поучительную психологическую задачу.

Пользуясь накопившимися в моих бумагах материалами и личными воспоминаниями, я [имел в виду составить]^a не полную, конечно, его биографию, для которой моих материалов было бы недостаточно, а лишь биографический очерк или точнее — психологический этюд, который, может быть, когда-нибудь пригодится историку нашего времени. При этом я старался об одном — сколь можно ближе подойти к истине. Знаю, что совершенная объективность или полное бесстрашие в оценке людей и человеческих дел есть лишь утопическая мечта, и что наши суждения всегда и неизбежно односторонни. Но я старался, насколько мог, изобразить эту личность так, как она мне представляется, не увлекаясь ни дружбой в одну сторону, ни каким-

^a *Вписано слева на полях. В тексте зачеркнуто: составил.*

либо иным чувством в сторону противную. Я столь же старательно избегал — быть хвалителем Головнина, как и быть его судьей и критиком; меня занимала только задача — понять эту личность, раскрыть мотивы его действий и цели его стремлений всей его жизни.

Non ridere, nec flere, sed intelligere^a. Для человека, сошедшего в могилу, уже не нужны ни похвалы, ни порицания, и след, оставленный им по смерти, если имеет цену для истории, то только при условии справедливой оценки со стороны тех, которые были в положении хорошо знать человека. Как анатом и медик могут добывать полезные для науки и человечества указания через вскрытие трупов людей, свершивших свое земное существование, так и историк ищет поучения из разбора того, что оставили по себе более или менее заметные личности. Иногда и не слишком большого роста человек может отбрасывать по земле длинную тень, смотря по тому, с какой точки падают на него лучи света; так точно и личности далеко не гениальные могут иногда оказать большое влияние на дела человеческие, если особые обстоятельства и случайности судьбы тому способствовали, как мы видим на примере Головнина. Задачей моей было сохранить для пользы истории несколько, по моему сознанию, не лишним черт для портрета этого во всяком случае замечательного человека.

Головнин родился недоношенным ребенком; он явился на свет семимесячным, и недостававшие для нормальной утробной жизни два месяца был выхолоен в корзине с ватой. Случайность такого рождения определила собой всю последующую судьбу его, подобно тому как случайность, хотя и другого рода, сделалась для Стерновского Тристама Шанди еще прежде его рождения источником бед на всю жизнь¹. Понятно, что как бы ни был старателен уход, но вполне^b заменить искусственными средствами то, чего лишился ребенок несвоевременным оставлением назначенной ему природой среды, очень трудно, почти невозможно, и Головнин остался, несмотря на все попечение горячо любившей его матери, ребенком слабым, недостаточно развитым, с искривленным позвоночным столбом, и хотя он потом носил известный ортопедический корсет для спрямления спины, однако навсегда остался несколько горбатым или, говоря учтивее, — сутуловатым². Это же было причиной, что он рано остановился в росте; вообще слабость его натуры сказалась в том, что он рано лишился волос на голове и должен был надеть уже смолоду парик. Я начал его знать с поступления его, в 1835 году, в Царскосельский лицей³; уже тогда он отличался от своих сверстников не только малым ростом и бледностью лица, но и постоянной серьезностью, совершенным отсутствием той резвости, которая так свойственна юношеским годам и служит признаком здоровья. Я никогда не видел его в Лицее не только смеющимся, но даже веселым; он обыкновенно был задумчив, сосредоточен в самом себе, каким он был и впоследствии, в зрелых годах. Слабость физического развития была причиной того, что для Головнина никогда не существовало тех увлечений, тех «бурных наслаждений», каким платит столь обычную дань юношество. По свидетельству самых интимных из его товарищей, он никогда не был данником бога любви; с ранней молодости и до конца жизни он был и оставался девственником; ему никогда не были знакомы

Красотки молодые,
Которых позднею порой
Уносят дрожки удалые
По Петербургской мостовой⁴.

Никогда, ни в одну пору жизни он не чувствовал нисколько жажды любостязания, не чувствовал влечения к трудам литературным или ученым, был равнодушен к изящным искусствам, никогда не увлекался страстью к картам или к вину. Воздержный и умеренный образ жизни, ставший для него, по требованиям гигиены, обязательным с ранней молодости, оставлял поэтому в его душевной жизни много пробелов, которые требовали для себя пополнения, и таким пополнением, таким суррогатом всех развлечений и радостей жизни явилась у него одна страсть — **честолюбие**, но зато страсть, которая со всей силой исключительности завладела его душой с ранних лет. Обыкновенно честолюбивые позывы пробуждаются у людей лишь в ту пору, когда начинают остывать и улегаться другие страсти, спутники молодости; но у Головнина, который и смолоду не был молод, честолюбие стало забираться в душу еще на лицейской скамье; уже и тогда центром его помыслов была служебная карьера.

В Лицее особенными друзьями из числа товарищей одного с ним курса были П. И. Саломон⁵, барон А. П. Николаи⁶, Мих. Хр. Рейтерн⁷, и по его, конечно, мысли, они при

^a Не смеяться, не плакать, но понять (лат.).

^b Слово вписано над строкой.

выпуске из заведения дали друг другу слово — если который из них успеет прежде других возвыситься в службе, то подаст руку остальным и поможет им подняться наверх. Головнин вполне сдержал данное им тогда слово.

Биография Головнина очень поучительна в том отношении, что она показывает, каких значительных успехов может достигнуть человек одной силой воли и нераздельным сосредоточением всей своей деятельности на неустанной работе к одной, однажды намеченной цели. Казалось бы, ничто во внешней обстановке Головнина не приготавливало его к честолюбивой карьере. Семья небогатого рязанского помещика, в которой он родился, не доставляла ему ни знатных родственных связей, ни богатства, которые сами собою ставят человека на дорогу к высшим в государстве должностям и без которых так трудно, а иногда и невозможна видная служебная карьера. Даже ранняя смерть его отца (он скончался 30 июня 1831, в Петербурге, жертвой холеры, когда сыну его было всего с небольшим 10 лет) лишила его и той поддержки, какую мог бы оказать для его службы, по крайней мере, на первых порах, отец — заслуженный моряк, пользовавшийся большим уважением в административных кругах столицы.

К этому я должен с горьким чувством сожаления прибавить, что, наконец, и само лицейское образование тогдашнего времени, столь недостаточное и энциклопедически поверхностное, не давало тех твердых знаний и той привычки к систематическому умственному труду, с которыми человек и без протекции может иногда одним превосходным образованием достигнуть высших должностей в государстве. Пушкин, конечно, имел в виду лицейское образование, когда так метко охарактеризовал его стихами:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь.

Конечно, иные, чувствуя недочеты полученного ими в Лицее образования, пополняли его потом в университетах или самообразованием; но это было возможно только для тех, кто имел средства к жизни, не был вынужден тотчас по выходе из заведения искать себе хлебных занятий. Но автодидактическая [работа по]^a наукам была, конечно, невозможна для тех, которые торопились с лицейского порога прямо перешагнуть в какую-нибудь канцелярию, в рати ретивых [бюрократов]^b, предающих «сами себя и весь живот свой» службе, как считал и Головнин. Повинуясь рано пробудившемуся в нем чувству честолюбия, он с ранних пор сосредоточив все свои помыслы на канцелярской работе.

xxx

Александр Васильевич Головнин родился 25 марта 1821 года в Петербурге, когда отец его, Василий Михайлович, прославившийся до того времени своими морскими плаваниями и пленом в Японии, нес береговую службу по морской части; в тот год он, в чине капитан-командира был помощником директора Морского кадетского корпуса. Вскоре затем (1823) он был назначен флота генерал-интендантом, получил (1827) в свое заведование департаменты кораблестроительный, комиссариатский и артиллерийский, а в 1830 г. произведен в вице-адмиралы. Ф. П. Литке^c, знавший В. М. Головнина с самого возвращения его из Японии, изображает его в своих посмертных записках^c человеком умным, по-тогдашнему образованным, серьезным, по службе строгим — и прежде всего — к самому себе. «Он держал себя совершенным деспотом, неизмеримо высоко над всеми подчиненными, с которыми был суров и жесток. Всегда и везде командир, steif (непреклонный и недоступный) донельзя; никто никогда не видел от него ни ласки, ни любезности. Все его очень боялись, но вместе и уважали за его чувство долга, честность и благородство». Почти то же, но несколько мягче говорит о нем и Н. И. Греч^d, лично знавший его; по его описанию, «Головнин был роста среднего, выражение лица его было серьезное и строгое; добросовестность в исполнении своих обязанностей, неутомимая деятельность, строжайшая справедливость к подчиненным, честность и благородство души, самоотвержение в пользу ближних, все это внушало искреннее и глубокое к нему уважение».

В Александре Васильевиче, как бы по наследственной передаче, отразились главные черты (за исключением суровости и жестокости подчиненным) характера его отца, точно так, как

^a Вписано над строкой вместо зачеркнутого: занятия.

^b Вписано над строкой вместо зачеркнутого: чиновников.

^c Безобразов В. П. Граф Федор Петрович Литке // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1888. Т. 57. Приложение. С. 88, 99.

^d Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев, в 1811, 1812 и 1813 годах, и жизнеописание автора. СПб., 1851. С. XXIX–XXX.

и лицом имел он с ним, судя по портретам, большое сходство, с той только разницей, что один был [крепыш, румяный здоровяк]^a, а другой — хилый, [вечно бледный]^b и тщедушный. Замечательный пример наследственной передачи физических и душевных качеств.

Василий Михайлович умер, как я уже упомянул, в 1831 г. от холеры, когда сын его был только еще десятилетним ребенком, и, следовательно, не мог руководить его воспитанием и дальнейшим развитием. Эта забота досталась на долю матери, Евдокии Степановны, урожденной Лутковской, которая нежно любила сына и которую Александр Васильевич, в свою очередь, окружал до самой ее смерти самым глубоким уважением и заботливыми попечениями.

Мать Александра Васильевича, женщина в высшей степени достойная, положила всю свою душу на воспитание единственного сына и после первоначальной подготовки при себе, поместила его, по смерти мужа, в Первую С.-Петербургскую гимназию, в ней он пробыл с 1831 по 1835 год. Из гимназии он был, как ученик, отличившийся прилежанием и благонаравием, перемещен в Царскосельский лицей, по удостоению гимназического начальства, на одну из штатных вакансий, которые тогда предоставлялись воспитанникам 1-й и 2-й петербургских гимназий.

В Лицее он был в числе самых прилежных; отличался своею серьезностью, отсутствием резвости и беспечности, столь свойственных физически здоровому, но умственно еще не зрелому юношеству. Все движения его были как бы размеренны, обдуманно; он был не по годам благоразумен, *mûr avant l'âge*, как говорят французы; и в то время, как его товарищи по молодости отдавались без оглядки впечатлениям минуты, Головнин уже задумывался о своем будущем, и, конечно, о служебной карьере.

В обращении с товарищами в нем проявлялась сердечная доброта, а с некоторыми из них его тогда же связало чувство теснейшей дружбы; то были П. И. Саломон, ставший впоследствии его зятем⁹, М. Х. Рейтерн, барон А. П. Николаи и др. С ними-то он делился своими мыслями, заключив с ними тот союз, о котором я уже упоминал, о взаимной помощи на бюрократическом поприще.

По выходе из Лицея с 1-й золотой медалью и с правом на чин IX класса Головнин в том же году поступил на службу (с 20 января 1840 г.) в Канцелярию Государыни Императрицы по управлению учебными и благотворительными заведениями. Этой канцелярией в то время заведовал статс-секретарь действ. тайн. советник Ник. Мих. Лонгинов¹⁰; она состояла всего из двух старших и двух младших чиновников. Головнин был сначала зачислен помощником младшего чиновника (12 марта), а 28 декабря того же 1840 года назначен младшим чиновником. Эта служба, не открывавшая особых перспектив для честолюбия, недолго удерживала Головнина, она только познакомила его с порядками канцелярского дела и дала время осмотреться для выбора иной дороги, более соответствовавшей его целям, и вот 1 февраля 1843 г. он причисляется к Министерству внутренних дел. Рано соображая, что для человека без протекции лучшее средство выдвинуться — это приблизиться непосредственно к высокопоставленному влиятельному сановнику, [чтобы]^c подобно крыловскому пауку подняться на его хвосте¹¹, Головнин рассчитал, что таким протектором для него мог бы быть тогдашний министр внутренних дел, столь известный Лев Алексеевич Перовский¹², о котором много говорили в то время в Петербурге. Этот «великий обыкновенный человек» (а *great commonplace man*, как охарактеризовал кто-то сэра Роберта Пила младшего¹³) был своим происхождением (от Разумовского¹⁴) поставлен высоко, любил между прочим заниматься и мелкими делами, приличными более для обер-полицеймейстера, чем для министра. При нем была учреждена для дел, лично интересовавших его, маленькая Особая канцелярия, состоявшая из правителя канцелярии, секретаря и нескольких писцов. Головнин был назначен (13 марта 1843 г.) исправляющим должность секретаря, и вскоре затем (30 декабря) утвержден в этой должности. Так как должность правителя этой канцелярии оставалась в то время вакантной, то Головнин был по должности секретаря в непосредственных, личных сношениях с Перовским и, усердно подлаживаясь ко всем привычкам и причудам этого капризного человека, скоро снискал его расположение. Он наконец почувствовал, что занес ногу в стремя, — как вдруг стремя оборвалось.

Нужно заметить, что министр Перовский был в то же время товарищем министра уделов, и при нем состоял секретарем по делам удельного ведомства статский советник Владимир

^a Вписано над строкой вместо: человек сильный и здоровый.

^b Вписано над строкой.

^c Вписано над строкой вместо: и

Иванович Даль¹⁵, получивший это место по рекомендации брата Л. А., Оренбургского генерал-губернатора Василия Алексеевича Перовского¹⁶. Даль, по делам своей части, был также в непосредственных сношениях с Л. А. Перовским, и как человек, уже обладавший в то время гораздо большей, чем Головнин, опытностью в жизни, уже много повидавший на своем веку, побывавший дотоле в разных частях России, и между прочим — в знаменитом Хивинском походе В. А. Перовского¹⁷, — мог быть гораздо полезнее для министра. Даль был в то время, как отличный ученый по литературе славянских народов, членом-корреспондентом Академии наук, а главное — уже имел громкое литературное имя — казака Луганского, а Лев Алексеевич особенно ценил литературные таланты. Головнин, видя, что при таком сопернике ему трудно было бы вполне завладеть влиянием на министра, начал пытаться, при разных случаях, подтачиваться под Даля, в надежде устранить его со своей дороги. Но не дремал и Даль, и как скоро он заметил направленные против него подкопы, то без всякого труда, одним взмахом, en n'en faisant qu'une bouchée^a, сбил его с седла. Результатом этого столкновения было — прошение Головнина об увольнении его от службы, 1848, февраля 10. Так в то время объяснял это увольнение сам Даль, в разговоре со своими приятелями¹⁸.

Этот удар заставил Головнина искать счастья в другой стороне. Время, проведенное им в отставке в том году, с 10 февраля по 3 ноября, имело большое значение в судьбе его. Понимая теперь лучше, что такое служба и отчего зависит успех в ней, он, привыкший вообще обдумывать всякий свой шаг и не склонный полагаться на одни счастливые случайности, он не торопясь зрело обдумал план своих действий, причем выказал изумительную дальнорзкость. Подобно хорошему шахматному игроку, которого сила состоит в умении угадывать вперед ходы противника, Головнин ловко взвесил шансы событий, еще предстоявших лишь в будущем.

Великий князь Константин Николаевич¹⁹, предназначенный волей императора Николая I быть начальником морских сил России, в то время (1847 и 1848) еще только оканчивал свое специальное морское образование, и в чине капитана 1-го ранга командовал фрегатом «Паллада» в плаваниях по Балтийскому и Немецкому морям в Английском канале. В 1848 г. он был произведен в контр-адмиралы. Головнин рассчитал, что в то время, когда великий князь вступит в управление флотом и Морским министерством, ему будет нужен сведущий в делопроизводстве по письменной части чиновник, а как получить еще не занятое место всегда легче, чем выживать кого-либо из насиженного им положения, то Головнин задумал — заблаговременно занять позицию при будущем генерал-адмирале. Обдумав затем средства для достижения этой цели, он очень верно сообразил, что на первый раз выбор и назначение к великому князю чиновника по морской части будет зависеть от управлявшего в то время Морским министерством, начальника Главного морского штаба генерал-адъютанта адмирала князя Александра Сергеевича Меншикова²⁰. Следовательно — задача состояла в том — как заручиться расположением этого мало доступного вельможи. Очевидно, что интерес Меншикова состоял в том, чтобы при великом князе были люди, преданные ему, Меншикову; стало быть, нужно было показать такую преданность, а Меншиков — человек умный и хитрый, который в состоянии видеть людей насквозь; значит — нужно действовать осторожно и умненько. Князь Меншиков был в то же время и финляндским генерал-губернатором, и вот с этой-то стороны Головнин решил заложить свои под него апроши: он вдруг почувствовал великое желание объехать финляндские города и сделать им описание. Было ли составлено им такое описание, не знаю; сам Головнин об нем никогда впоследствии не говорил; да если бы и было, то, конечно, будучи лишь плодом беглого обзора туриста, нисколько не подготовленного серьезным знакомством с историческими и экономическими источниками, оно и не могло представлять собой ничего нового и полезного для науки. Да и не та была цель этой поездки, а то, для чего она была предпринята, было вполне достигнуто — Головнин стал известен Меншикову и 3 ноября 1848 года назначен младшим чиновником для особых поручений при начальнике Главного морского штаба, и, следовательно, — получил возможность и случаи являться к князю Меншикову. По этой должности Головнин едва ли был очень обременяем какими-либо делами и особыми поручениями; зато тем усерднее занялся изучением характера и привычек князя и средствами ему угодить²¹. Меншиков вел большей частью кабинетную жизнь, мало ездил в свет, но любил знать все, что в нем делается. После занятий делами он в виде отдыха в известные часы ходил взад и вперед по комнате, и в это время являлись к нему догадливые приближенные и развлекали его городскими сплетнями. Тут и

^a Сразу, быстро его проглотил, перен.: быстро с ним справился (*фр.*)

сам князь изощрял свое остроумие эпиграммами и колкими замечаниями, которые потом разносились из уст в уста по городу, нравились особенно великому князю Михаилу Павловичу, и нередко награждались улыбкой самого императора Николая²².

Чтобы быть в состоянии при всяком появлении у князя позабавить его какой-нибудь пикантной новинкой из мира ли закулисного, из известных ли сфер административных или, наконец, из домашней жизни чем-нибудь выдающихся личностей, нужно было употреблять не мало времени на рыскания по городу и на разные посещения, — и Головнин исправно нес^a такую службу, и в числе являвшихся к Меншикову для его развлечения был одним из усерднейших. Зато и труды его не остались без награды: по представлению Меншикова он был произведен «за отличие» по службе в коллежские советники (6 декабря 1849) и затем 7 сентября 1850 года командирован в распоряжение Его Имп. Высочества генерал-адмирала, для занятий по Комитету пересмотра морских уставов^b. Так очутился он наконец у вожденной цели своих долгих неустанных стараний. С этого момента начинается та часть жизни Головнина, которая может быть наиболее интересна для истории.

Пробравшись таким упорным трудом на прямую дорогу, Головнин приложил все силы своего расчетливого ума к тому, чтобы ближайшим образом изучить характер и наклонности великого князя и, подлаживаясь к ним, упрочить свое при нем положение, достигнутое дальновидным расчетом. Это оказалось делом для него нетрудным. Оба они были молоды, а молодость самонадеянна; оба, в сознании молодых сил, жаждали деятельности; если один был самолюбив и славолубив, то другой был хитер и скоро нашел в этих качествах средство к достижению своей цели: действуя на эти стороны характера и давая им постоянно пищу, сделался приятным, полезным и необходимым для князя. И вот начинается для Головнина та жизнь, которую он с редким самоотвержением вел несколько лет, посвящая всего себя ежедневно, ежеминутно на службу великому князю²³.

Головнин жил в то время со своею матерью и сестрами на Литейной, в доме Брока²⁴. Во дворце великого князя, так называемом Мраморном, отведены были две небольшие комнаты для Головнина и его канцелярии, состоявшей из двух или трех писцов. Тут-то несколько лет сряду почти неотлучно пребывал «состоящий при Его Имп. Высочестве Константине Николаевиче» Головнин, уходя к себе домой только ночевать и обедать. Через эту канцелярию или точнее — через руки Головнина проходили все дела по Морскому ведомству, какими в то время занимался генерал-адмирал²⁵. Неотлучность Головнина была необходима для того, чтобы быть всегда под рукой у князя для исполнения его желаний и таким образом препятствовать сближению его с кем-нибудь другим, который мог бы оттеснить его от князя, как некогда Даль оттеснил его от Л. А. Перовского.

Эта добровольная кабала была не тягостью, а наслаждением для честолюбивого Головнина, к которому за это время вполне прилагаются слова, сказанные Тацитом о Тиберии — *nihil intermissa regum cura, negotia pro solaciis accipiens*^c. Но как нет роз без шипов, так и радости честолюбца нередко отравляются мучениями. *Negotia* могли служить Головнину *pro solaciis* в те зимние и весенние месяцы,^d в которые великий князь имел свою резиденцию в Мраморном дворце и в которые поэтому Головнин мог по делам являться только в кабинет князя, оставаясь в стороне от семейной жизни княжеской четы. Совсем [иное]^e было летом, когда князь жил в Павловске. Дело в том, что великая княгиня Александра Иосифовна²⁶ оказывала в то время, о котором здесь идет речь, непреодолимое отвращение [от]^f Головнина²⁷. Все его старания победить это отвращение оставались тщетны. Как молодые дамы невольной и инстинктивно чувствуют удаление от неполных мужчин, княгиня не могла переносить вида горбатого и укрывавшего свое безволосие париком Головнина, и по праву дамы не скрывала своего чувства под формами светского притворства, а напротив, выказывала его открыто, при всех, и жестоко уязвляла самолюбие Александра Васильевича. Вот для примера образчик из числа многих: все имевшие у

^a Далее зачеркнуто: *теперь*.

^b Впоследствии князь Меншиков увидел, как ошибся, рассчитывая иметь в Головнине преданного себе человека при великом князе, и никогда не мог простить ему, что он провел его. Когда Головнин уже сидел в Государственном совете, Меншиков, редко ездивший в Совет, говаривал с презрительной усмешкой, что «не место бывать ему там, где сидит какой-нибудь Головнин» (*Прим. автора*).

^c Непрестанно заботясь о делах, в трудах он находил утешительную награду (лат., Тас. Ann. IV. 13).

^d Далее зачеркнуто: *когда*.

^e Вписано над строкой вместо зачеркнутого: *другое дело*.

^f Подчеркнуто карандашом, на полях слева стоит знак вопроса.

великого князя по делам доклады, приезжали в Павловский дворец к 10 или 11 часам, а после доклада были приглашаемы к княжескому завтраку; такие приглашения делались по этикету от имени великой княгини как хозяйки дома. Если в числе приехавших докладчиков был Головнин, то все получали подобное приглашение, за исключением его одного, и он, приехавший в Павловск с прочими в одном поезде, может быть, в одном с ними вагоне, должен был один возвращаться одиноким, унося с собой горькое чувство, что унижению его были свидетели, в числе которых, может быть, были и люди, которые заискивали в нем потому только, что считали его в милости в княжеском дворце.

Как ни крепился Головнин выносить все подобные уколы самолюбия, думая победить предубеждение против него временем и терпением, однако не вытерпел и решил искать посторонней помощи. За нею обратился он к Ник. Алекс. Милютину²⁸, который упросил своего дядю, генерал-адъютанта Павла Дмитриевича Киселева²⁹ поговорить с великою княгиней и представить ей, что Головнин нужен великому князю по государственным делам, ему подведомым и что для князя было бы незаменимою потерей, если бы ее преследования лишили князя такого преданного ему слуги. Заступничество Киселева, кажется, осталось не без успеха³⁰. Все это я слышал от самого Милютина.

По мере того, как Головнин убеждался, что занял в сердце князя прочное место, созревал в его голове план еще большего для себя возвышения. Он, конечно, от приятельски расположенного к нему Ф. П. Литке знал, для какой высокой чреды назначался Константин Николаевич. Когда император Николай, вверяя воспитание своего второго сына Федору Петровичу Литке, давал ему указание о направлении этого воспитания, то между прочим сказал приблизительно следующее: «Сыну моему Александру, когда ему достанется престол, трудно будет справиться с тяжким бременем правления государством. Константин будет должен быть ему помощником; я желаю поэтому, чтобы воспитание его приготовило к этой важной обязанности»^a. Если такое указание было сделано воспитателю в разъяснение его обязанностей, то весьма вероятно оно было дано и обоим сыновьям в форме предсмертной воли монарха. Таким образом, назначением великого князя Константина Николаевича было не одно заведование морскими силами России; он предназначался быть помощником государя по важнейшим делам управления империей. Это указание послужило Головнину фундаментом, на котором он, в упоении своего непомерного честолюбия, построил грандиозный план и мог бы сказать, подобно Вольтеру Магомету³¹

Jamais roi, pontife ou citoyen

Ne conçu un projet aussi grand que le mien^b.

Воскрешая реформаторские проекты Сперанского³² первой половины царствования Александра I, в свое время заживо погребенные, он стал лелеять в своих мыслях такой план: «министры, не имея права входить со всеподданнейшими докладами непосредственно Государю, должны по делам, требующим разрешения высшего правительства, представлять Государственному совету, председатель которого (конечно, великий князь Константин Николаевич) один докладывает по делам всех министерств императору. При председателе совета состоит один государственный секретарь (конечно, Головнин) с потребным числом помощников. Для лучшего обеспечения осуществления такого сосредоточения всей власти в одних руках нужно все места министров занять преданными (Головнину) лицами, связанными между собой взаимными выгодами». Так, по мысли Головнина, был бы создан сильный «однородный кабинет», для облегчения Государю бремени правления.

Понятно, что такой план держался сперва в строжайшем секрете и стал наконец виден для посторонних только тогда, когда были сделаны первые шаги к его осуществлению назначением первых министров из головнинского кружка. Терпеливым и осмотрительным подбором единомышленников Головнин образовал вокруг себя настоящую партию, которой он был душой и руководителем. Это делалось таким образом: сборным местом партии было Морское ведомство; подходящие лица, если они состояли на иной службе, сначала переводились в это ведомство и затем форсированным маршем выводились вверх по ступеням иерархической лестницы; рядом с этим, помощью столь известных в чиновничьем мире приемов, которые иногда называются

^a Это сообщил мне акад. В. П. Безобразов, читавший по смерти Литке оставшиеся после него записки, веденные день в день во все время, что он состоял сперва воспитателем, а потом попечителем великого князя. Эти записки были, по совету Безобразова, поднесены сыновьями Литке Государю императору, и ныне хранятся, как кажется, в Государственном архиве (*Прим. автора*).

^b Ни один царь, понтифик или гражданин не задумывал столь великого плана, как мой (*фр.*).

интригами, вытеснялись из этого ведомства те, которые могли быть помехой честолюбивым затеям организатора партии. Таки в 1860 г. был при помощи интриги смещен с поста управляющего Морским министерством знаменитый моряк — адмирал барон Ферд. Петр. Врангель³³, человек высокой честности, благородства характера, преданный своему делу, которого он был в свое время первым знатоком. Врангель приписывал свое удаление с должности тому, что один его интимный и слишком откровенный разговор с одним из членов партии, состоявшим с ним в родстве М. Х. Рейтерном, был передан кому следует. Но гораздо вероятнее, что перенесение того разговора было только поводом и средством для действия Головнина против Врангеля; настоящей же причиной было то, что Врангель был слишком крупной личностью, чтобы идти на буксире у Головнина.

Другим неудобным для партии человеком, вытесненным около того же времени (1861) по такой же причине и при помощи таких же средств, был директор канцелярии Морского министерства и правитель дел Адмиралтейств-совета граф Дмитрий Андреевич Толстой³⁴, замененный в означенной должности более покладистым Самуилом Алексеевичем Грейгом³⁵. Толстой был бесспорно человеком ума государственного, дороживший делом, а не карьерой, стойкий характером и твердый в своих убеждениях, и поэтому самому не подходивший под мерку, по которой вербовались члены партии, носившей название «Константиновцев»³⁶. Этот Толстой, впоследствии быв сперва министром народного просвещения, а потом министром внутренних дел^a, показал, что он как государственный деятель, был целой головой выше Головнина. В том-то и состоит грех, присущий всякой партии и служащий ко вреду ее самой, что участники набираются не по их заслугам и талантам; партии сами делают великих людей из ничтожностей, оставляя в стороне или отбрасывая в сторону людей действительно достойных^b.

Сметая со своей дороги мешавших ему людей, Головнин был неистощим в изобретении средств возвышения своих друзей и тех, которые дальновидно подчинились ему. Он держался правила, которое некогда доставило [всемирное]^c господство древнему Риму^d:

Parcere subjectos et debellare superbos^e.

Шедевром головнинского умения выкраивать великих людей из обыденных посредственностей может считаться Рейтерн, имевший полное право на наименование «непризнанной посредственности» (то, что французы так мило называют — *une médiocrité méconnue*) и которому, как расчетливому немцу, удалось поэтому вполне воспользоваться плодами лицейского уговора, о котором я в своем месте упомянул. Михаил Христофорович Рейтерн был и в Лицее, и потом самым интимным другом Головнина, *Busenfreund* и *Duzbruder^f*, как говорят немцы. Человек очень обыкновенных умственных способностей, он без дружбы Головнина мог бы при своей немецкой расчетливости и аккуратности достигнуть к концу жизни разве тех ступеней бюрократической иерархии, которые доступны среднего сорта чиновникам без протекции; — а он умер великим государственным сановником и богатым человеком, как творение рук Головнина.

Сын лифляндского генерала, жившего одним жалованием и не оставившего поэтому никакого состояния сыну, Рейтерн, живя по выходе из Лицея вместе со своим более достаточным товарищем Алексеем Алексеевичем Воейковым³⁷, был так беден, что даже не имел шубы, и должен был зимой щеголять в не слишком греющей ватной одежде, а в дни сильных морозов надевал шубу Воейкова, который поэтому в те дни сидел дома. А когда после 16-летнего управления финансами России он 11 августа 1890 года скончался, то оставил после себя своим наследникам около двух миллионов рублей деньгами и дом на Английской набережной, как я слышал от тайного советника Дмитрия Фомича Кобеко, бывшего при вскрытии завещания Рейтерна и который в бытность его министром пользовался самым неограниченным его доверием,

^a *На полях приписка карандашом:* Об-пр. Синода и президент Академии наук

^b *Les partis — tous les partis — sont criblés de vices. Il en ont un qui leur cause de grands préjudices: celui de transformer en grands hommes les hommes de rien et de laisser dans l'ombre, ou d'u rejeter, des hommes d'un vrai mérite. Jules Simon. [Партии — любые партии — глубоко порочны. Именно они причиняют больше всего вреда: они превращают ничтожества в великих людей и оставляют в тени или вовсе отвергают людей по-настоящему достойных. Ж. Симон]* Примечание автора написано на отдельном листке бумаги, подклеенном к тетрадному листу.

^c *Приписано слева на полях.*

^d *Далее зачеркнуто:* под известным

^e Ниспроверженных щадить и усмирять горделивых (*Verg. Aeneis, 6, 853, lat.*)

^f Закадычный друг (нем.).

почти исключительного свойства, так что плохая репутация, которую приобрел себе Кобеко³⁸, отбрасывала рикошетом неблагоприятную тень и на самого Рейтерна^a.

Любопытна в своем роде служебная карьера Рейтерна. Пройдя по выходе из Лицея первые ступени служебного поприща в Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов, а потом в департаменте Министерства юстиции, исправляя немудреную должность товарища герольд-мейстера в Сенате, когда Головнин, добившись влиятельного положения при великом князе, признал, что настало время сделать что-нибудь для друга юности. В 1854, февраля 24, Рейтерн, никогда не помышлявший дотоле о морском деле и не имевший никакого понятия об особенностях морской администрации, назначается прямо старшим чиновником особых поручений при начальнике Главного морского штаба. Через несколько дней после того (4 марта того же 1854 года) его назначают членом Комитета пересмотра морских уставов, в котором членом был и Головнин; два дня спустя (6 марта) его назначают членом Комитета для составления хозяйственного устава Морского министерства, и затем в тот же еще самый день его назначают членом Комитета о сметах строительного департамента того же министерства, и в тот же опять день он назначен в помощь вице-адмиралу Мелихову³⁹ для ревизии означенного департамента. Но всего этого еще мало; в том же году, 16 сентября, Рейтерн является членом Комиссии для разбора жалоб по поставке одним подрядчиком пеньки в Кронштадтский канатный завод, а в конце того же года производится **за отличие** в действительные статские советники и вслед затем переименовывается в должность чиновника особых поручений Морского министерства.

Для всякого знакомого с существом бюрократических порядков вполне было ясно истинное значение этого внезапного дождя отличий и назначений. Какой бы ни был гений, хоть то, что называется семь пядей во лбу, но познания и опытность, без которых нельзя быть полезным в службе, приобретаются не наитием св. духа и не высочайшими приказами, а продолжительным трудом и, следовательно, — временем. Люди, знавшие Рейтерна со стороны его умственных способностей, только усмехались и пожимали плечами.

Но означенный припадок нежностей к Рейтерну был только первым приступом к маневрам, рассчитанным на то, чтобы сделать из него великого финансиста и посадить на министерское кресло. И вот в 1855 году его командируют в Архангельск и Астрахань «для осмотра казенных зданий и ревизии строительного и госпитального управления в этих портах». И эта пустая командировка (одна из таких, какие даются протежируемым чиновникам для того только, чтобы был повод к испрошению им награды) потом величается в громких фразах, что Рейтерн — (осмотром-то портовых зданий и управлений в двух городах) **изучил внутренность России. Risum teneatis amici**^b.

Как ни усиливались патроны Рейтерна возвеличить его, они чувствовали, однако, что **осмотр** казенных зданий в двух портах еще не такой важный подвиг и громадная заслуга, чтобы^c поднять любимца до министерского кресла; нужен был поэтому более сильный прием тренировки. И вот, тотчас по возвращении Рейтерна с осмотра казенных зданий, его командируют, еще в конце того же 1855 года, на три года за границу (сперва в Пруссию, потом в Северо-Американские соединенные штаты, и, наконец, во Францию и Англию — «для собрания сведений к усовершенствованию счетоводства»). Так как он посылался только «для собрания сведений», то значит — если он вернулся (1 сент. 1858), что он их и собрал, ему верят на слово не только в том, что он их собрал, но даже и в том, что собранные им сведения имеют государственную важность, — и, значит, собиранье их составляет^d великую заслугу, достойную чрезвычайной награды — его жалуют в том же 1858 году в статс-секретари Его Императорского Величества.

Рейтерн благоразумно не счел нужным обстоятельно изложить и напечатать собранные им сведения, как бы сделал всякий другой, имеющий надобность прокладывать себе дорогу

^a Головнин в разговорах со мной не раз сетовал на Рейтерна, что он так приблизил к себе Д. Ф. Кобеко, сделав его директором особой при себе Канцелярии, тогда как он пользовался в обществе весьма дурной репутацией, особенно во время разгара погони за концессиями железных дорог, — репутацией, которая поддерживалась образом жизни этого чиновника, заведомо недостаточного состояния, а между тем много тратившего на дорогих кокоток. Источником такого отзыва о Кобеко Головнин называл сведения тайной полиции (*Прим. автора*).

^b Удержитесь от смеха, друзья (*лат.*)

^c Далее зачеркнуто: *могла*

^d Далее зачеркнуто: *такую*.

собственными трудами и дать с этой целью мерку своих способностей обнаружением дельного сочинения по вопросам, бывшим предметами трехлетних занятий за границей на казенный счет. За неимением такого сочинения мы можем уже по аналогии сомневаться в пользе, принесенной означенной командировкой даже для самого путешественника в смысле обогащения его познаний в государственных науках. Чтобы пребывание в чужих краях могло быть плодотворно, необходима предварительная к нему достаточная подготовка, а такой подготовкой, конечно, не могли служить для Рейтерна как поверхностное и недостаточное лицейское образование, так и сидение в качестве члена, да притом в течение не более одного года, в разных департаментских комитетах и комиссиях, или осмотр казенных зданий в портах. О неподготовленности Рейтерна к означенному заграничному путешествию я мог лично удостовериться, когда он перед отправлением в путь, в конце 1855 года, заехал ко мне (я был уже тогда членом Академии наук по политической экономии и статистике) с просьбой — указать ему, на что ему было бы полезнее всего обратить свое внимание в той или другой стране; в разговоре с ним по этому случаю я не мог не заметить малого знакомства его с литературой тех вопросов, которые должны были служить предметом его заграничных наблюдений.

Доселе Рейтерн был вообще усиленно выдвигаем вперед, но еще не было видно, куда он, собственно, назначался по мысли творцов его величия; но отныне, т.е. с возвращения из-за границы, последовал с такой же быстротой ряд распоряжений, которые ясно показали, что он предназначается и готовится в министры финансов. Легко было угадать и причину такого предназначения. Вручение Рейтерну портфеля министра финансов было всецело делом Головнина и состояло в тесной связи с общим планом действий созданной им партии константиновцев. По распределению ролей между участниками Головнин наметил для себя Министерство просвещения. Тогда, чтобы отличиться и прославиться, нужно будет, по его понятиям, действовать эффектно, широко (*faire grand*), а для этого нужны деньги — много денег; и он, всегда дальновзоркий и^a предусмотрительный в своих расчетах, имел в виду обеспечить себе по достижении министерского кресла возможность громких дел возведением в министры финансов своего закадычного друга, *fidus Achates*^b, со стороны которого ему никогда не будет отказа в деньгах^c.

С самого возвращения Рейтерна из его *tour d'Europe*, его открыто поставили на дорогу, прямо ведущую к министерскому креслу: его назначают в декабре 1858 г. управляющим делами особого, учрежденного под председательством канцлера Нессельроде⁴⁰ Комитета железных дорог, — в июне 1859 г. членом Совета министра финансов и заведующим эмеритальной кассой Морского ведомства и в том же году — членом в учрежденных при Министерстве финансов Комиссии о земских банках, о преобразовании коммерческого и земского банков и об улучшении податей и^d пошлин; в январе 1860 г. его назначают заведующим делами Комитета финансов, а 18 мая того же года в финансовую по кредитным делам комиссию. Итак, экипаж подан, остается в него садиться, а между тем место министра финансов не вакантно. На нем сидит и сидит, с честью, деятельно работая на пользу отечества — Княжевич⁴¹, на деле доказавший свою большую опытность в делах финансовой администрации. Но для константиновцев это не помеха: ловкой интригой Княжевич смещен, и 23 января 1862 г. Рейтерн назначается управляющим Министерством финансов, а 6 декабря того же года — министром финансов; только годом позже назначения Головнина министром народного просвещения.

Интрига, которой Княжевич был столкнут с министерского кресла, стоит того, чтобы ее рассказать, так как она характерна для изображения нравов и даже нравственности служилых людей этого времени.

^a Далее зачеркнуто: *расчетливый*

^b Верный Ахат (лат.), верный друг и наперсник, по имени друга и спутника Энея.

^c Злые языки объясняли в то время иначе необыкновенную заботливость Головнина о карьере своего друга. Говорили, что расчетливый друг возбуждал и искусно поддерживал эту заботливость тем, что давал семейству своего протектора повод питать надежду породниться с ним женитьбой на одной из сестер Головнина. Может быть, это была клевета, порожденная завистью, какую, конечно, у многих возбуждало внезапное и ничем видимым необъяснимое возвышение Рейтерна. «Кто будет в мире прав, коль слушать клевету». Впрочем, и то сказать, непосвященные в тайну Головнинских замыслов, не зная за Рейтерном никаких особых заслуг, ни особой гениальности, весьма естественно искали объяснить себе его возвышение какими-нибудь понятными причинами (*Прим. автора*).

^d Далее зачеркнуто: *повинностей*

Княжевич только что провел через Государственный совет свою знаменитую реформу в способе взимания налога на вино, заменой системы откупов акцизной системой и был озабочен приисканием достаточного числа способных и честных чиновников для службы по акцизной части. Чтобы привлечь на эту службу лучших людей, соединили с нею значительные служебные права и хорошие оклады содержания; следовательно, недостатка в желающих посвятить себя ей, не было; было из чего выбирать. Директором департамента, в котором сосредоточивалось делопроизводство по этой реформе, был Конст. Карл. Грот⁴², бывший [прежде]^a самарским губернатором, а теперь примкнувший к партии Головнина. Константиновцы, верные своему символу веры — что все прежнее никуда не годно, усердно распускали о честном Княжевиче самую неблагоприятную для него молву. Известное дело, как всякий министр бывает осаждаем просьбами и ходатайствованиями всякий раз, как в его распоряжении есть выгодное место; легко себе представить тот дождь ходатайств, какой падал на Княжевича во время формирования личного состава чиновников по акцизной части. Княжевич по доброте своей иные из таких прошений передавал в порядке службы директору департамента К. К. Гроту, который должен был по рассмотрении прошений докладывать министру. Но Грот по одному из таких дел вместо словесного доклада, как это обыкновенно делается, послал министру (конечно, не без совещания с Головниным) гордое письмо, в котором заявлял, что, подбирая для акцизной службы **честных** чиновников, он желает быть совершенно свободным в своих выборах и что без такой свободы он не может ручаться за успехи всей реформы. Письмо было написано на имя министра, но, очевидно, было назначено не для него одного. Копия с письма была сообщена Головнину, которому только того и нужно было; она, как следует, была показана с подходящими комментариями великому князю, а им Государю — Княжевич был уволен от должности министра. Но кто же воспользовался этим маневром? Конечно, не Грот, который имел надежды быть преемником Княжевича, а тот, кто был похитрее его — Головнин, для которого подвиг Грота послужил давно желанным случаем — завершить делаемые приготовления Рейтерна в министры. — Рейтерн и был назначен 23 января 1862 года управляющим Министерством финансов. Вышло, что Грот вытащил каштаны из огня не для себя, *alter tulit honores*^b. Рейтерн же утешил и вознаградил Грота за оказанную услугу назначением ему [крупной прибавки к содержанию, а до таких прибавок Грот был большой охотник]^{c43}.

Самым тяжким грехом Головнина перед Россией было возведение в министры финансов человека совсем к тому неспособного. Ни в одной отрасли государственного управления ошибки не отражаются такими тяжкими для всего народа последствиями, как именно по финансовому управлению, так как они падают бременем на всех плательщиков податей и налогов, следовательно, на все население края, и на его производительные силы.^d Если министерские распоряжения Головнина по народному просвещению, как недостаточно обдуманнные, могли^e [не приносить особой пользы, то, по крайней^f мере, они были безвредны]^g, тогда как те меры Рейтерна, которые были крупными и вредными для государства ошибками,^h отразились губительными последствиями, которыеⁱ еще долго не изгладятся. Открытие им, по совету решительного доктринера Евг. Ив. Ламанского⁴⁴, размена русских кредитных билетов на золото, повлекшего для Государственного банка потерю в 90 миллионов руб. золотом, служило меркою полной неопытности и полного незнания министра в финансовых делах⁴⁵. Еще более губительными для государственной экономии последствиями отразились финансовые основания выданных при Рейтерне^j железнодорожных концессий; бремя этих концессий долго тяготело над целым экономическим строем России, и только теперь правительство старается, сколько можно поправить грехи тогдашней железнодорожной системы, — но ценой каких пожертвований!

^a Написано слева на полях.

^b Почести получил другой (*лат.*)

^c Слова очерчены на полях карандашом и поставлен знак вопроса.

^d Далее зачеркнуто: *Если меры по народному просвещению, какие принимал Головнин, будучи министром, оказывались как недостаточно*

^e Далее зачеркнуто: *быть безуспешны,*

^f Далее зачеркнуто: *мере от них не было никакого вреда*

^g Слева на полях слева карандашом поставлен знак вопроса.

^h Далее зачеркнуто: *оставил после*

ⁱ Далее зачеркнуто: *и до сих пор*

^j Далее зачеркнуто: *концессий на*

Е.И. Ламанский, управлявший Государственным банком, имел большое преимущество перед Рейтерном тем, что обладал хорошими познаниями в теории и практике финансов, но имел ум не государственный; он смотрел на каждый вопрос не с точки зрения общих интересов государства, а исключительно со стороны наживы, с точки зрения меркантильной, как истый служитель золотого тельца. Этот ловкий и смелый меняла был творцом **Общества взаимного кредита**, общества, конечно, полезного и хорошо поставленного уставом, данным ему Ламанским. Но что было чудовищно, это то, что Ламанский совмещал в себе должность управляющего Государственным банком с должностью заправила Общества взаимного кредита, которое даже приютилось в здании и галереях самого банка, пользовалось от него неограниченным кредитом, употребляя этот кредит на водворение у нас самой бешеной биржевой игры ценными бумагами. Ламанский прямо проповедовал пользу и необходимость этой игры для развития нашего денежного хозяйства. Рейтерн,^a бог весть по каким причинам, допускал безобразие этой игры, питаемой тем самым кредитом, которым Государственный банк ссужал Общество взаимного кредита, — до тех пор пока не разразился страшный крах спекуляторов, стоивший многим потери всего состояния и некоторым даже жизни, предпочевшим покрыться в своих фиктивных покупках ценных, спекулятивных бумаг pistolетным зарядом. Даже один из братьев Евг. И. Ламанского, служивший в Государственном банке, покончил самоубийством в одном из огородов петербургских окраин⁴⁶. Этот крах был настоящей русской **Панамой**⁴⁷, с тою разницею, что руководители и попустили Панамы поплатились перед судом присяжных и перед судом общественного мнения; а у нас поплатились только безымянные овечки своим руном, а Рейтерн и Ламанский украсились ореолом великих финансистов. Оба они из бедных чиновников сделались миллионерами, так как имели искусство оказывать добрые услуги нужным людям.

Что Рейтерну недоставало существенных качеств, необходимых для финансового деятеля, я имел случай убедиться еще в то время, когда он по мысли Головнина, только придвигался к министерскому креслу, Головнин, задумав учреждение в Морском ведомстве пресловутой эмеритальной кассы, просил [в январе 1856 года]^b меня составить проект такой кассы. Я, конечно, изъявил свою готовность, но заметил, что мне, как члену Академии, неловко взяться за это дело одному, без участия в нем академика В. Я. Буняковского⁴⁸,^c специалиста по математической теории вероятностей, на которой основываются все расчеты пенсионных касс. Головнин вполне с этим согласился, и Буняковский был им приглашен составить означенный проект вместе со мной. Вслед за сим Головнин, передавая мне разные материалы для этого дела, прислал мне в их числе и проект эмеритальной кассы, составленный, по его просьбе, Рейтерном. Когда мы по прочтении записки Рейтерна увидели, что составитель ее был совершенно незнаком с основными условиями задачи и приемами ее решения, так что касса,^d основанная на расчетах Рейтерна, должна была бы оказаться совершенно несостоятельной не далее как через 10 лет. Можно было только удивляться легкомыслию и смелости автора, очевидно взявшегося за незнакомое ему дело, не имея о нем никакого понятия; он, очевидно, не знал, что задача по своему существу требует приемов, принадлежащих к теории вероятностей, т.е. той части математики, о которой Рейтерн, конечно, никогда и не слышал.

При всей своей несостоятельности со стороны теоретической и практической подготовки к деятельности в области финансов Рейтерн имел, однако, настолько ловкости и хитрости, что весьма удачно играл роль знатока по этой части⁴⁹. Сдержанный на словах, он умел принимать на себя такой глубокомысленный вид, что для многих он мог казаться кладезем мудрости; он, де, многое знает, чего не высказывает; одним словом, он принимал вид непогрешимого папы по части финансов. Но люди, понимающие дело, хорошо видели, что кроется под этим видом непогрешимости, и только усмехались и дивовались, как мог такой человек взлететь на такую высоту. Впрочем, должен заметить, что тому, у кого в руках снурки от казенного кошелька, предоставляется всегда возможность пополнять познаниями и талантами других то, в чем ему самому отказали боги.

Я назвал Рейтерна — расчетливым немцем, и вот одна черта, доказывающая его расчетливость. Рейтерн был, бесспорно, обязан всецело Головнину за созданную ему карьеру; об этом он, пожалуй, и помнил, но только до поры до времени. Он и после считал его другом, но то была дружба иного рода — дружба, которая исключает надобность каких-либо жертв. В то время,

^a Далее зачеркнуто: *по своей неопытности в финансовых операциях*

^b Вписано слева на полях.

^c Далее зачеркнуто: *в специальность которого входит*

^d Далее зачеркнуто: *которую*

когда они оба сидели друг против друга на министерских скамьях, Головнин, неистощимый в изобретении мер к развитию просвещения, засыпал своего товарища нескончаемыми требованиями отпуска денег на осуществление этих мер. Рейтерн, понимая, что удовлетворением всех требований друга он рискует прослыть министром, не берегущим казенной копейки, расчетливо забывал об обязанностях дружбы. При этом он прибегал к следующей хитрости: известно, что в делах, требующих назначение новых кредитов из Государственного казначейства, министры, прежде внесения о том в Государственный Совет по департаменту экономии, обязаны заручиться предварительным согласием министра финансов на такой кредит. На все такие предварительные запросы Головнина Рейтерн давал официальной бумагой свое согласие, но в то же время по секрету предварял статс-секретаря в означенном департаменте А.П. Заблоцкого-Десятовского⁵⁰ о невозможности согласиться на просимый Головниным кредит, прося, чтобы отказ был сделан^a собственно самим департаментом. Это мне говорил сам А. П. Заблоцкий.

Головнин иногда готовил свои денежные представления вкусными обедами, на которые приглашался и Рейтерн, и тут между кофеем и ликером, в надежде, что ничего нет благодарнее желудка, излагалась просьба о новом кредите из Казначейства. Это знал Рейтерн и нередко под разными предлогами отказывался от таких приглашений. Раз я был в числе приглашенных; входит Рейтерн, и Головнин изъявляет ему свою радость, что дела не помешали ему явиться на зов. «Я приехал, — сказал полушутя полусерьезно Рейтерн, но только с условием, что ты не будешь говорить о деньгах».

xxx

Другим счастливым избранником головнинской партии, также доведенный до министерского портфеля, был сухопутный моряк Николай Карлович Краббе⁵¹, более плававший к островам Цитеры⁵², чем в открытых морях. Человек живого ума, приятный в обществе, красивый собою, не много ломавший голову над трудными для человеческого ума^b вопросами, зато всегда имевший наготове веселый рассказец, пикантный анекдот, иногда, смотря по надобности, и не цензурного свойства, способный разглядеть морщины на челе начальства, если оно не в духе — таков Николай Карлович. Если он не потратил много времени на опасные морские плавания, зато сумел удачно плавать по ветру в чиновничьей луже, не лишенной, впрочем, подобно морям, подводных камней. Еще в 1854 г., в эпоху зачаточного существования головнинской партии, он в чине капитана 1-го ранга, был «состоящим» при начальнике Главного Морского штаба князя Меньшикова. В 1855 г. он уже вице-директор Инспекторского департамента Морского министерства; в 1857 г. — свиты Е.И.В. контр-адмирала, в 1860 г. он уже генерал-адъютант, а в 1861 г. — управляющий Морским министерством. Так достиг он еще годом раньше Рейтерна намеченной в головнинском плане цели.

Кроме Рейтерна и Краббе, были еще в партии константиновцев кандидаты в министры: директор комиссариатского департамента Морского министерства (в 1855 г.) князь Дмитрий Александрович Оболенский⁵³, и флота генерал-аудитор Павел Николаевич Глебов⁵⁴. Их Головнин удерживал в сфере своего притяжения, гипнотизируя их надеждой получки — первый — кресла министра внутренних дел, а второй — министра юстиции, и лишь удар, неожиданно нанесенный партии Головнина назначением в мае 1862 года великого князя Константина Николаевича — наместником Царства Польского, загородил для этих двух претендентов дорогу к министерским почестям⁵⁵.

Порою самой неустанной, постепенно разраставшейся работы Головнина по организации вокруг себя партии были года с 1855 г., с воцарением императора Александра II, и по 1862 год, по отъезд великого князя наместником в Варшаву. Он жил, как уже сказано, на Литейной, в доме Брока⁵⁶; туда для поддержания живой связи между членами кружка, они от времени до времени любезно приглашались по вечерам «на чашку чая». Однажды и я получил такое приглашение и увидел там Н. К. Краббе, еще только капитана I ранга, кн. Оболенского, еще в то время только статского советника и директора комиссариатского департамента, М. Х. Рейтерна, незадолго перед тем произведенного в действ. ст. советники и состоявшего по особым поручениям при Морском министерстве, и еще несколько других. Хотя при мне не говорили ничего такого, что не должен был знать непосвященный, однако из тона разговора, из полуслов, из самого рода

^a Далее зачеркнуто: *от имени*

^b Далее зачеркнуто: *задача*

предметов, около которых вертелся разговор, я мог заметить, что то были люди, которых связывала между собой общность их интересов и которые очевидно вполне спелись. После этого вечера я более не получал приглашений в дом Брока «на чашку чая». [Может быть]^a, я в тот раз был показан друзьям для решения вопроса — достоин ли я сопричисления к их лику, в видах усиления партии новым членом. Вероятно оказалось: *non est intrare dignum*^b, и я остался от партии Головнина в стороне, к моему искреннему удовольствию, так как я, по отсутствию во мне чиновничьего честолюбия, не чувствовал никакого влечения к кружку карьеристов.

Пока работа этого кружка была, так сказать, подземной, невидной для профанов, то на нее, конечно, не обращалось внимание лиц, стоявших, как говорится, у кормила правления. Думали, что это только группа людей, собравшихся вокруг великого князя для работ по Морскому ведомству. Но когда назначением Головнина и Рейтерна в министры было пролито *un po' piu di luce*^c, когда оказалось, что под сенью великого князя образовался рассадник министров скороспелого сорта, то наиболее приближенные и преданные Государю люди спохватились; они ясно разглядели, куда идут замыслы Головнина, которые всего более грозили опасностью наиболее доверенным вокруг государя лицам (Адлербергам⁵⁷, Барановым⁵⁸ и другим, то, что в интимных разговорах у константиновцев называлось «камарильей»). Нетрудно было найти средство отстранить опасность; стоило только употребить надежный тормоз, дать задний ход слишком разбежавшейся кормы родного корабля. Средством к тому было употреблено — удаление великого князя в Варшаву, с громким титулом Наместника Царства Польского. Говорили, что великий князь сперва никак не хотел принимать такое назначение; но ловкие царедворцы, тонкие знатоки женского сердца, искусно подействовали на великую княгиню, представив ей в радужных красках, как великокняжеский двор, затмеваемый в Петербурге величием Большого двора, будет в Варшаве сам большим и что она сама будет там почти как Королева. Великий князь, чувствительный к женским ласкам, уступил, и в мае 1862 г. он отправился в Варшаву. Остальное известно⁵⁹. С поляками справиться оказалось труднее, чем с морскими чиновниками. Весьма скоро, а именно 19 октября 1863 года великий князь был уволен от должности наместника. Он возвратился, но уже не с прежним кредитом. Партия константиновцев может считаться с того времени рассеянной.

xxx

В дополнение и для проверки моих выше изложенных заметок о партии Головнина сообщаю здесь выписку из неизданных «Воспоминаний» покойного адмирала барона Ферд. Петр. Врангеля. Слова человека, близко стоявшего к делу и проницательный ум которого служит залогом правильности суждения, должно иметь большой вес для истории при оценке намерений группы «константиновцев», руководителем и вдохновителем которых был А. В. Головнин.

Сообщением этой выписки я обязан любезности барона Ферд. Ферд. Врангеля, сына знаменитого моряка и наследника не только оставшихся после него рукописей, также и благородства его характера, его преданности долгу и общественному делу⁶⁰. Те, которые когда-нибудь будут читать эти «Воспоминания», скажут ему искреннее спасибо за сообщение этого важного исторического документа.

Выписка из «Воспоминаний Ф. П. Врангеля»

«Die beiden Brüder: Alexander und Constantin sind sehr verschiedenartig ausgestattete Naturen: Ersterer — das Herz auf dem rechten Fleck, voll Wohlwollens und Edelsinns; der Andere — voll Ruhmsucht, Eitelkeit und Antipathien im Herzen, aber mit strebsamen, reichbegabtem Geiste, der zu einer harmonischen Ausbildung nicht gekommen.

Das Benehmen des Gross-Fürsten gegen den Kaiser während des amtlichen Vortrags in meiner Gegenwart, war dennoch ganz vertraulicher Art: er redete Seiner Majestät „Саша“ an, dutzte den Kaiser. Seine gewandte Rednergabe, rasche bewegliche Auffassung und vortreffliches Gedächtniss, vermochten

^a Вписано на полях вместо зачеркнутого: *Вероятно*

^b Недостойн войти (лат.)

^c Немного больше света (фр.)

Ihm seinen Vortrag immer klar und interessant zu machen. In dieser Beziehung ist Er schwerlich von einem seiner damaligen Minister-Collegen übertroffen worden.

Die in diesen Blättern angedeuteten Vorzüge und Mängel, oder vielmehr Eigenthümlichkeiten des Gross-Fürsten sind von der Koalition seiner nächsten Favoriten benutzt um den Gross-Fürsten die scheinbare Rolle eines Anführers des vorwärtsstrebenden jungen Russlands zu übertragen. Der Kaiser sollte unpopulär werden, es wurden mancherlei Gerüchte über Völlerei, Trägheit, Vergnügungssucht, mangelhafte Intelligenz, überwiegende Sympathien zu den Deutschen und so dergleichen mehr, in Umlauf gesetzt, und dagegen die liberalen Fortschritts-Ideen, die energische Initiativa im Marine-Ministerium, die rein-russischen Sympathien des Gross-Fürsten bei jeder passenden Gelegenheit herausgestrichen.

Der Gross-Fürst hatte gewiss keine Ahnung in welche verdächtige Stellung man ihn auf diese Weise brachte und seine patriotisch-loyale Gesinnung kann und darf nicht im geringsten bezweifelt werden. Im Gespräche mit einem Partei-Manne jener Favoriten-Koalition der mein Verwandten (M. Reutern) und mit dem ich unumwunden über jene unerquickliche und gefährliche Erscheinung mich äusserte, that ich dieses, mit den Worten unser Gespräch schliessend: „wenn **ich** zwischen dem Gross-Fürsten und Seiner Majestät dem Kaiser in meiner Dienst- und Ergebungstreue zu wählen einmal veranlasst werden sollte, wird es immer der Kaiser sein, dessen edle Gesinnung und Wohlwollen mich an seine Fahne fesselt und dem ich mit meinem letzten Athemzuge angehöre“.

Ich habe Grund zu vermuthen, dass dieses Gespräch weiter mitgetheilt worden und eins der Beweggründe gewesen ist, wesshalb die Favoriten-Koalition mich aus der Verwaltung herauszuwippen für nothwendig fand. Die Unzufriedenheit der Koalition (d. h. der leitenden Männer) wenn der Kaiser eine liberale Entscheidung und Allerhöchst Selbst eine solche Initiative ergriff, und so zu sagen dem Gross-Fürsten in dieser Richtung überholte — war ganz auffallend. Jener meiner Verwandter hat es mir selbst eingestanden und dabei misstrauisch bemerkt, dass man vermuthet es werde aus dem See-Ministerium manches dem Kaiser unter der Hand mitgetheilt^a.

А. В. Головнин как министр народного просвещения

^a «Оба брата, Александр и Константин, сильно различаются характерами: первый — справедливый, полный доброжелательности и благородства помысла, другой — полный тщеславия, суетности и недоброжелательности, хотя с целеустремленным и богато одаренным умом, он не достиг какого-либо гармонического развития.

Поведение великого князя по отношению к императору во время должностного доклада в моем присутствии было совершенно фамильярным: он обращался к его величеству «Саша» и говорил императору «ты». Благодаря его дару красноречия, быстрому и живому восприятию, а также выдающейся памяти его доклады всегда были ясными и занимательными. Вряд ли кто-нибудь из его тогдашних коллег министров превосходил его в этом.

Те преимущества и недостатки, о которых говорится в этих записках, более того, специфические качества великого князя, группа его ближайших фаворитов использовала для того, чтобы наделить великого князя мнимой ролью предводителя молодой, стремящейся вперед России. Император, по их замыслу, должен был стать непопулярным, и были даже пушены в ход слухи о его невоздержанности, инертности и стремлении к удовольствиям жизни, недостаточной интеллигентности, о чрезмерной симпатии к немцам и тому подобное. И, напротив, при каждом удобном случае превозносились либеральные идеи прогресса великого князя, его энергичная инициатива в Морском министерстве и его чисто русские симпатии.

Великий князь, само собой разумеется, не имел ни малейшего понятия о том, в какое сомнительное положение он был таким образом поставлен, и его патриотический лояльный образ мыслей ни в коей мере не может быть поставлен под сомнение.

Откровенно беседуя с одним из представителей группы фаворитов, моим родственником (М. Рейтерном) об этом опасном и неутешительном явлении, я так закончил наш разговор: если я когда-нибудь был бы вынужден выбирать в верности службе и преданности между великим князем и его императорским величеством, то это всегда был бы император, благородный образ мыслей и доброжелательность которого сделали меня твердым приверженцем его знамени, которому я оставался бы верен до последнего вздоха.

У меня есть основания предполагать, что этот разговор был сообщен дальше, и это послужило одной из причин, по которой группа фаворитов сочла необходимым вышвырнуть меня из управления. Неудовольствие коалиции (т. е. ее руководителей) бросалось в глаза, когда император сам принимал решение или только проявлял инициативу и, так сказать, опережал великого князя в этом направлении. Тот мой родственник сам согласился со мной и при этом с недоверием заметил, что императору сообщили об этом потихоньку из Морского министерства» (нем.).

Ум от природы не глубокий, поверхностный, к тому же недостаточно развитый и укрепленный солидным учением и чтением, но при этом ослепленный односторонним преобладанием в нем честолюбия, Головнин в своих действиях как министр был тороплив, брался разом за многое, желал, очевидно, самой многочисленностью произвести эффект и заставить стоустую молву говорить о них⁶¹. Все это делалось под флагом либерализма и прогресса⁶². Но прогресс состоял лишь в том, что существовавшее, без разбора, хорошо ли оно или худо, заменяют новым, а либерализм был своего особого рода, к которому никак нельзя прилагать понятие, соединяемое с этим словом в западных государствах, с более развитой политической жизнью^a. Либерализм Головнина и либерализм какого-нибудь Гладстона⁶³ — какая несоизмеримость! Понятие Головнина о прогрессе немногим разнилось от понятий дилетантов в политике, газетных фельетонистов и журнальных всезнаек; они все резюмировались в несложной формуле: прогресс — это замена существующего новым. Он мало задумывается о том, что все существующее — есть законный и необходимый продукт предшествовавшего; что это существующее нужно очень осторожно трогать, если хотят сделать в нем **существенные** улучшения; для этого нужно, прежде всего, глубоко изучить причины, породившие существующее, и зрело взвесить последствия, какие могут произойти от изменений в нем, а это — всегда задача нелегкая, даже и для того, кто в состоянии и привык углубляться в сущность вопросов, по самому существу своему всегда сложных, государственной администрации. Подобное отношение к вопросам государственной важности не было, к сожалению, под силу Головнину. Снедаемый честолюбием, жаждой эффектов и популярности, он торопливо брался за весьма различные вопросы, ломал существующее, не довольно изученное им. Уже из самой поспешности, с какой составлялись одновременно проекты его реформ, можно было с полным правом заключить о недостаточной их зрелости. Довольно вспомнить, что в течение его весьма недолгого управления Министерством народного просвещения были составлены новые уставы почти всех учебных заведений, ему подведомных, — средних, низших и высших, так что Государственный совет не уставал их все рассматривать, и когда Головнин пал, то из Государственного совета было передано его преемнику (граф Д. А. Толстому) четырнадцать^b его представлений, еще не рассмотренных Советом.

И как составлялись такие проекты?

Во всяком министерстве всегда есть довольно чиновников, считающих за счастье — создавать, по приказанию начальства, какие угодно проекты, и притом в самый короткий срок. Составленные таким образом проекты первым делом печатаются в большом числе экземпляров и рассылаются^c учреждениям и лицам, но в особенности редакциям газет. Этот прием практиковался якобы для узнания «общественного мнения»; но обсуждение редакциями газет, бог знает из кого состоящими, конечно, не могло заменить собой то обсуждение дела, которое должно [было бы, собственно]^d, предшествовать самому составлению проекта.

xxx

Тотчас по назначении Головнина (25 декабря 1861 г.) управляющим Министерством народного просвещения⁶⁴ я получил от него любезной запиской приглашение явиться к нему. Приехав, я нашел его сияющим от радости, выражавшейся настолько, насколько он вообще был в состоянии выразить это чувство⁶⁵. Конечно, я прежде всего поздравил его с высоким назначением, прибавив несколько фраз обычных в подобных случаях о том, что поздравить можно не только его, но и само Министерство, которое избавилось от предшественника его, графа Путятина⁶⁶. О себе же заявил полную свою готовность, если бы представились к тому случаи — быть ему полезным. На это он сказал, что теперь на новом своем посту он имеет возможность и для меня

^a По поводу Головнинского либерализма можно вспомнить остроумную эпиграмму Лебрена [Экушар, прозванный Лебрен-Пиндар, Lebrun Écouchard, 1729–1807, французский поэт]:

Qu'est-ce que ce mot **libéral**
Que des gens d'un certain calibre
Placent toujours tant bien que mal[?]
C'est le diminutif de **libre**.

[Что означает слово «либерал», которое люди определенного сорта постоянно вставляют в свою речь, не понимая его значения? Это уменьшительное от «свободный», фр.]

^b Далее зачеркнуто: *дел, еще не*

^c Далее зачеркнуто: *местам*

^d Вписано слева на полях.

что-нибудь сделать, и тут же предложил мне место директора департамента народного просвещения. Предложение было так странно, что я не мог не понять истинного его значения. Года за четыре, как скоро я был избран Академией наук в непременные секретари, я навсегда отказался от бюрократической службы, выйдя тогда же из Министерства государственных имуществ в то время, когда я, прослужив там достаточное число лет начальником отделения, мог рассчитывать получить место директора департамента. Мих. Ник. Муравьев⁶⁷, вскоре по назначении его министром государственных имуществ, прямо сказал мне, что он имеет на меня виды, что пора меня повысить по службе, и когда я, в отсутствие Муравьева (он был тогда в отъезде) подал его товарищу А. А. Зеленому⁶⁸ просьбу об увольнении от службы, то он не решился было в отсутствие министра дать ход моему прошению, так как знал намерение Муравьева относительно меня, и только уступил настоятельной просьбе моей. А раз распрощавшись с полосканием департаментских бумаг, к которому у меня никогда не лежало сердце, снова вернуться к нему, бросив [к тому же]^a для этого только что полученное почетное положение в академии, *rien que pour les beaux yeux Monsieur de Golovnine*^b, было бы с моей стороны просто глупостью. В академии, где знали о моих близких отношениях к Головнину, очень боялись, как говорил мне К. М. Бэр⁶⁹, чтобы Головнин не переманил меня в свое министерство.

Поэтому в ответ на предложение Головнина я сказал, что очень благодарю за его доверие, но что высоко ценю занимаемое мной в академии звание, я не могу им пожертвовать для занятия департаментского места, а совмещать обе должности — невозможно, и что я мог бы принять в министерстве лишь такое место, которое по роду занятий можно было бы соединить со званием академика и непременного секретаря, как, например, члена Совета министерства. Это, видимо, не отвечало мысли Головнина, и он довольно неохотно заметил, что это невозможно, так как у него только два места членов совета, и оба уже заняты (как будто место директора, которое он предлагал, не было занято). Таким ответом он еще более подчеркнул смысл своего предложения, которое было ничто иное, как^c любезность, и только любезность. При этом случае я, по крайней мере, пощадил его, не сказавши [ему, что отвечал ему его лицейский товарищ, добродушный В. А. Цеэ⁷⁰,]^d которому он в силу лицейского уговора о взаимопомощи на службе предложил место председателя Цензурного комитета, когда цензура еще была в ведомстве Министерства просвещения. Как ни простоват был Цеэ, однако, поступил умно, сказав Головнину безо всяких обиняков, что министры просвещения сидят не прочно на своем кресле и что если бы Головнин скоро слетел, то и его, Цеэ, положение стало бы шатко, поэтому он согласен принять означенное место не иначе, как с застрахованием его от возможных случайностей, назначением его в сенаторы. Так и было сделано, и вот каким образом Василий Андреевич Цеэ надел красный мундир и стал заседать в Сенате, хотя «по уму такая честь ему не подобала». Это тот самый Цеэ, который тем прославился, что получил по Высочайшему повелению так хорошо заслуженное название дурака. Когда в разгар польской смуты появилась в одном петербургском журнале статья, в которой Страхов, русский любомудрец (как-то странно называть греческим словом этого философа кустарного изделия), обсуждал польский вопрос со своей специальной точки зрения, то Катков⁷¹ признал ее по своим соображениям пригодной для того, чтобы разразиться по поводу ее одной из тех громовых статей, которые производили сенсацию, где было нужно. Государь, недовольный статьей Страхова, потребовал от Головнина объяснений о том, каким образом она могла быть одобрена цензурой для напечатания. Оказалось, что цензор затруднялся пропуском статьи и представил о том в Цензурный комитет; но Цеэ, прочитав сам статью, разрешил, под своей ответственностью, помещение в журнале. Когда Головнин доложил об этом Государю, то получил повеление председателю Цензурного комитета сенатору Цеэ сказать дурака.

Главный характер государственной деятельности Головнина была, как я уже сказал, погоня за эффектами, за популярностью — *auga popularis*^e. Получив роль административного дельца в то время, как правительственная пружина, слишком сильно натянутая императором Николаем, как бы сама собой и притом вдруг, почти безо всякой постепенности, ослабела с восшествием на престол его преемника, и когда вследствие того все русское образованное общество, радуясь возможности свободнее дышать, неудержимо поддавалось либеральному

^a Вписано слева на полях.

^b Только ради прекрасных глаз господина Головнина (*фр.*)

^c Далее зачеркнуто: *только*

^d Слева на полях карандашом поставлены знак вопроса и восклицательный знак.

^e Дуновение народной благосклонности (*лат.*)

энтузиазму, Головнин — чуткий к направлению ветра, смело поднял либеральный флаг. Собственно, он не был ни либералом, ни ретроградом с твердыми убеждениями, которые могут быть плодом продолжительного и внимательного изучения государственных наук и в особенности истории всеобщей и отечественной. Слишком поспешно предавшись по оставлении школьной скамьи бюрократическим трудам, он не имел и времени довести таким изучением свои мысли о политических материях до той зрелости, до тех сознательных убеждений, без которых государственный деятель подобен мореходцу без компаса. Головнин был только ловкий и счастливый честолюбец, а честолюбие без солидных качеств политического человека — это лестница, у которой недостает верхних ступеней. Это ясно обозначилось в действиях Головнина как министра. Дотоле он прятался за спиной генерал-адмирала, преднамеренно скрывая свою долю участия в реформах Морского ведомства, зная хорошо, что начальники не любят, чтобы подчиненные слишком выдвигались вперед своей собственной личностью, и, следовательно, [в то время]^a еще, пожалуй, и нельзя было судить^b о нем как о государственном человеке. Но в звании министра он явился во весь рост [своим собственным лицом]^c пред глазами наблюдателей, и мы можем в действиях его как министра ясно разглядеть мотивы и идеи, которыми он руководствовался.

xxx

Первым делом Головнина по назначению его управляющим Министерством народного просвещения было пригласить к себе редакторов некоторых журналов и газет на совещание о средствах к водворению мира между литературой и правительством — довольно странная мера — спрашивать у журналистов о том, что министр и без них должен был бы знать⁷². Да он это и знал, а консультация с журналистами была одной из тех тонких хитростей, которые были в характере Головнина, и имела целью — польстить самолюбию журналистов и заслужить их похвалы, до которых он был очень лаком. От представителей прессы он, конечно, услышал, как несносна для них цензура и как желали бы они от нее избавиться. Поэтому одним из первых мероприятий Головнина явилось назначение комиссии для пересмотра законов о печати.

Вслед за журналистами я был приглашен в феврале 1862 года к Головнину, который сообщил мне о своем желании изменить устав о цензуре и о том, чтобы комиссия, которая составит проект нового Устава, имела характер не чиновничий, а ученый, и вследствие этого он назначает меня председателем такой комиссии⁷³. Как я ни отказывался от такой чести, приводя разные резоны, он, однако, принимая мой отказ за отказ пьяницы от чарки водки, настоял на своем и заставил меня согласиться, сказав с ударением, что я **должен** принять председательство в комиссии, на которую будет возложено дело такой государственной важности, и что он мне предоставляет сделать выбор лиц к назначению в члены комиссии. На это я заметил, что для сохранения за комиссией согласно его желанию характера ученого естественнее всего было бы составить ее из профессоров университета, как юристов, так и тех, которые были и сами цензорами и, следовательно, знакомы с цензурной практикой, причем назвал, в виде примера, А. В. Никитенко⁷⁴; впрочем, я просил дать мне подумать об остальных, обещаясь представить ему, дня через два, три, список предлагаемых мной кандидатов в члены комиссии. На это он согласился, но тут же сказал, что он полагал бы полезным назначить в комиссию А. А. Краевского⁷⁵. На это я с некоторой живостью заметил, что считаю это неудобным, что если комиссия должна состоять из ученых и литераторов, то среди них не место тому, которого нельзя назвать ни ученым, ни литератором-писателем, и, наконец, что Краевский как издатель журнала подчинен цензуре, и, следовательно, был бы в комиссии судьей односторонним и недостаточно беспристрастным.

На этом мы и расстались, условившись, что дня через три или четыре я принесу ему, на его одобрение, списки кандидатов в члены назначенной комиссии. Но еще не миновал это срок, как получил я от министра **официальную** бумагу, которой давалось мне знать, что комиссия для пересмотра, изменения и дополнения постановлений по делам книгопечатания назначена им под председательством статс-секретаря князя Д. А. Оболенского⁷⁶ и что я назначен в эту комиссию членом. Такая версатильность Головнина глубоко меня возмутила. Возмутительно тут было не то, что он переменил свое первоначальное намерение назначить меня председателем комиссии;

^a Вписано над строкой карандашом вместо зачеркнутого: *о нем*

^b Далее зачеркнуто: *тогда*

^c Вместо зачеркнутого: *своей собственной личностью*

министр всегда имеет и должен иметь право изменять свое первое предположение. Для меня же в сущности было даже лучше не быть в комиссии председателем, т.е. ответственным лицом за ход всего дела; но возмутительно и оскорбительно было то, **как** сообщено мне было об этой перемене в мыслях министра. Эта сухая официальная бумага после полуначальнической, полутоварищеской беседы, — это отсутствие всякого объяснения о причине перемены — тогда как министру, а особенно товарищу очень легко было дать хоть какую-нибудь причину, хотя бы и не настоящую, лишь бы не обидную для моего самолюбия — все это так меня возмутило, что я в первую минуту хотел было написать Головнину письмо с просьбой уволить меня из числа членов комиссии. Но в это самое время приезжает ко мне кн. Оболенский и сообщает, что Головнину очень совестно того, что он со мной сделал; причем Оболенский усердно просил меня не отказываться от членства в комиссии. Нечего было делать. По слабости характера я уступил и впоследствии жалел.

Эта комиссия состояла, кроме меня, еще из председателя Петербургского цензурного комитета В. А. Цез⁷⁷, профессора полицейского права Петербургского университета Андреевского⁷⁸ и директора департамента народного просвещения Воронова⁷⁹. По этому составу комиссии видно было, как скоро (в два, три дня) изменились первоначальные мысли Головнина, т. е. как были необдуманно и скороспелы первые его предположения, мне сообщенные.

Первоначально я мог догадываться, что причиной перемены Головнина относительно меня были мои возражения против назначения Краевского в комиссию, так как в то время этот самый ловкий из журнальных откупщиков (как называл их Пушкин) был интимным негласным советником Головнина. Но после я догадался, что причина была иная. Оболенский, предназначавшийся по программе партии константиновцев в министры внутренних дел, узнав от Головнина о готовившейся комиссии, напомнил ему о его обещании доставить ему это министерство, усматривал в этой комиссии ступень к означенному возвышению, так как, по его мысли, цензура, бывшая дотеле в ведомстве Министерства просвещения, составляет одну из отраслей государственной полиции и должна поэтому быть в ведении Министерства внутренних дел. Следовательно, председательство в означенной комиссии очень соответствовало честолюбивым планам Оболенского. Он действительно направил дело к тому, что цензура, вместе со всем тем, что касается правительственного надзора за книгопечатанием, была отнята у Министерства просвещения и передана в Министерство внутренних дел⁸⁰. Эта перемена, льстившая надеждам Оболенского, была, однако, вовсе не в интересах Головнина, который действительно очень неохотно согласился на нее. Таким образом, поднимая лишь по внушению журналистов и в угоду им вопрос о преобразовании цензуры, Головнин не рассчитал всех последствий этой меры лично для себя и за то больно был наказан.

Другой ошибкой Головнина, происходившей из того же побуждения — жажды газетной популярности, было доставление Краевскому не только концессии на издание газеты «Голос», но и ежегодной денежной [казенной]^a субсидии в 12 000 руб., которая выплачивалась Краевскому в течение трех лет (1863, 1864 и 1865). Головнин, как бы стыдясь этой меры, упорно, без всякого достоинства всегда отрицал существование такой субсидии, хотя простой взгляд в бюджетные и конторские документы достаточно обличали его в неправде^b.

Эти обе меры послужили во вред Головнину; будь у него в руках цензура, никогда не возникла бы та беспощадная травля его газетами, под предводительством «Московских ведомостей» Каткова, которая так много подготовила падение его; а «Голос» под редакцией бездарного, хотя коммерчески и сметливого Краевского, своей защитой Головнина оказывал ему медвежью услугу. Хвалебным статьям «Голоса», заведомо купленного Головниным, никто не верил, а между тем они служили Каткову очень удобным средством под видом полемики с «Голосом» щелкать самого Головнина. Жестокие удары, какие наносил Катков своим бойким пером чуткому к газетным толкам сердцу Головнина, были тем действительнее, что ими доставлялись врагами и завистниками Головнина положительные аргументы для обоснования их нападений на него в разных слоях общества⁸¹. И всего больше для Головнина было то, что ему

^a Вписано над строкой

^b Об этой субсидии из казны, доставленной Краевскому Головниным, мне было достоверно известно через А. П. Заблоцкого, у которого как статс-секретаря в департаменте экономии Государственного совета были в руках все официальные документы относительно этой статьи государственных расходов (Прим. автора).

можно было сказать tu l'as voulu, George Dandin^a, — а в переводе на русский язык: «Как же был ты недалновиден, как министр».

Наконец, с точки зрения общественной нравственности^b, субвенционирование «Голоса» было мерой печальной, несимпатичной. До Головнина русская повременная печать, как бы ни малозначительна она была как сила, могла, по крайней мере, гордиться своей непродажностью, следовательно — относительной свободой и достоинством. «Голос» положительно уронил это достоинство. [Всем известна была в то время злая эпитаграмма:

Краевского голос

Тонок и чист, как в ж-е волос]^c.

xxx

Возвращаюсь к комиссии пересмотра законов о книгопечатании. Заседания ее начались тотчас по ее учреждению и проходили в квартире кн. Оболенского на Невском проспекте, в доме Протасова, тестя Оболенского. В первых заседаниях предстоявшая работа была разделена между членами: на меня было возложено приготовить главу о периодических изданиях; Воронов взял на себя составить главу о порядке надзора за типографиями, литографиями и другими подобными заведениями. Андреевский должен был проектировать статьи о карательных мерах за проступки и преступления, совершаемые посредством печатного слова; Оболенский оставил за собой проектирование общих постановлений; что же касается Цеэ, то он принял на себя лишь удаивать наши заседания, и то не все, своим присутствием, а иногда увеселять нас какими-нибудь незамысловатыми анекдотами, — а работы от него мы и не требовали по правилу: *ad impossibilem non obligamur*^d.

По распределении таким образом работы, мы расстались до осени, обязавшись изготовить к тому времени каждым принятую им на себя часть общего труда. Я тотчас же принялся за специальное изучение законодательства о периодической печати главнейших государств: Франции, Бельгии, Австрии, Пруссии и других государств Германии; обложившись полной или, по крайней мере, лучшей литературой предмета, трактатами и комментариями, и при помощи таких пособий составил проект постановлений, которые по долгом обдумывании представились мне наиболее отвечающими^e, с одной стороны, видам правительства, а с другой — интересам литературы.

Еще не возобновлялись заседания комиссии, и, стало быть, и мой проект еще не был сообщен прочим членам комиссии, как Головнин раза два призывал меня к себе, осведомляясь о положении, в каком находились труды комиссии, и, узнав, что порученная мне часть общей работы комиссии готова, потребовал, чтобы я изготовил о главных выводах, к которым я пришел, «статью для газет». Это было совершенно в его духе. О подробностях проектированных мною мер он весьма мало расспрашивал; они его мало интересовали, а главным делом было завязать газетную полемику.

В первый раз что он говорил об этом, я еще мог отделаться кое-какими уклончивыми фразами, но когда он во второй раз призвал к себе, повторил свое требование о составлении для газет статьи, я вынужден был ему сказать, что приготовленная мною работа есть изложение пока еще моего личного взгляда; что она сделана по поручению комиссии, но ей еще не была сообщена, и что поэтому отдать ее на суд печати, прежде чем она подвергнется обсуждению членов комиссии, я счел бы неприличным для себя поступком в отношении своих сочленов по комиссии. Такое возражение не понравилось, да и не могло понравиться Головнину, который при всей своей учтивости — даже утонченной учтивости — не терпел, как министр, возражений, и, не владея ли своими нервами или же по скрываемой им склонности к властолюбию, тотчас же впадал в начальственный тон, с оттенком досады. Как бы то ни было, я не поступил своими убеждениями, и статьи для газет не написал^f.

Такая неподатливость с моей стороны получила потом должное возмездие: когда комиссия, окончив порученное ей дело, была 14 января 1863 г. закрыта, то Головнин объявил

^a Ты сам этого хотел, (это дело твоих рук), Жорж Данден (*фр.*) Из комедии Мольера «Жорж Данден».

^b Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: *морали*

^c Зачеркнуто карандашом.

^d К невозможному нас не обязывают (лат.)

^e Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: *удовлетворяющими*

^f Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: *составил*

председателю комиссии кн. Оболенскому за его усердие благодарность Его Министерского Величества, а меня уведомил, что такую же благодарность объявит мне князь Оболенский⁸³. Так как я работал не из-за награды, то этот чисто чиновнический тонкий укол до меня не коснулся; я удовольствовался только тем, что объявленную мне кн. Оболенским благодарностью положил под сукно, не сообщая ее своему академическому начальству для внесения в мой послужной список. А между тем без хвастовства могу прибавить, что проектированные мною статьи закона о печати, относящиеся до периодических изданий, по обсуждении их как в нашей комиссии, так и той, которая была еще потом назначена, и, наконец, в Государственном совете, удостоились одобрения почти без всяких существенных изменений^a и включены в состоявшийся закон почти целиком в той редакции, которая мною была предложена⁸⁴.

Главным подручным человеком и редактором проектов у Головнина-министра был директор департамента народного просвещения Андрей Степанович Воронов. Это был добрейший человек, покорный чиновник, наметавшийся в писании деловых бумаг, привыкший исполнять беспрекословно волю начальства, и к тому же хорошо знакомый со всеми порядками нашего учебного дела и неутомимый работник. Конечно, он не был в состоянии исполнять при министре должность нимфы Эгерии⁸⁵. Но для тех работ, которые на него возлагались, этого и не нужно было. Он был главным составителем разных головнинских проектов реформ, а они составлялись по весьма упрощенной формуле: заменить существующее чем-нибудь новым, которое *eo ipso*^b считалось уже лучшим, как новый картофель всегда лучше старого. Этот Воронов или другой шустрый департаментский Ликург строчит заказанный ему проект особого закона или целого Положения или Устава, и притом в возможно короткий срок, так как Головнин вечно торопится. Но прежде чем чиновник успевал кончить порученное ему дело, ему приказывалось написать для газет статью о содержании и значении приготавливаемой реформы. Такая статья тотчас печаталась в лейб-органе Головнина — в «Голосе», и вслед затем по всей линии органов, считавших для себя коммерчески выгодным полемизировать с газетой Краевского, открывался беглый огонь выстрелов, хотя и холостых, но, тем не менее, производивших достаточно шума, а он-то и считался в кабинете Головнина за «выражение общественного мнения» и возбуждал во всей читающей России внимание к «реформам» Головнина⁸⁶. Мало было дела до того, что к подобным фокусам для приобретения популярности не прибегают министры даже в самых образованных и политически передовых странах. В классической стране самой широкой публичности в политических делах — Англии — не принято публиковать доклады так называемых «департаментских» комиссий, т. е. назначенных единственно для приготовления министерских решений.

Тотчас же по назначении Головнина управляющим Министерством просвещения, еще не успев осмотреться, он уже приступил к приготовлению 13-ти проектов преобразований. Вследствие запроса управлявшего Министерством финансов Рейтерна от 12 января 1862 г. о приготавливаемых по Министерству просвещения проектах, Головнин 2 июля того же года отвечал, что им приготавливаются следующие проекты:

- 1) новые уставы и штаты университетов⁸⁷
- 2) преобразование Ришельевского Лицея в Одессе, в Новороссийский университет⁸⁸
- 3) новые уставы и штаты гимназий⁸⁹
- 4) преобразование уездных училищ в прогимназии⁹⁰
- 5) учреждение новых народных училищ, в особенности в Западных губерниях⁹¹
- 6) учреждение в Николаеве новой гимназии⁹²
- 7) открытие новых учебных заведений в тех местностях, которые сами просят о том, изъявляя готовность принять на себя часть расходов
- 8) преобразование двух лицеев в высшие реально-технические училища⁹³
- 9) учреждение двух новых учебных округов, Вологодского и Саратовского⁹⁴
- 10) преобразование учебной части в Сибири⁹⁵
- 11) учреждение высшего учебного заведения в Литовском крае⁹⁶
- 12) разные меры по цензуре и особенно в отношении к журналистике
- 13) снаряжение разных ученых экспедиций, командировок и введение в систему назначение пособий разным ученым предприятиям⁹⁷.

^a Далее зачеркнуто: *согласно моему первоначальному проекту*

^b Тем самым, в силу этого (лат.)

Для осуществления этой массы самых разнородных проектов Головнин считал необходимым, чтобы к отпускаемой на 1862 г. сметной на Министерство сумме (в 4.156.824 р.) было добавлено:

в 1863 году — 1.190.942 р.

1864 — 1.004.000 р.

в 1865 году — 974.000 р.

в 1866 году — 524.000 р.

При легкости, с какой готовились у Головнина разные проекты и новые меры, на которые требовались значительные добавочные и сверхштатные кредиты, весьма естественно, что представления в высшие правительственные учреждения (Государственный совет, Комитет и Совет министров), следовавшие с изумительной быстротой одно за другим, встречали со стороны этих учреждений отказы,^a одни — по недостаточно зрелой обдуманности, другие как несвоевременные, наконец, третьи — по чрезмерности потребных денежных средств, несоразмеримых с общим финансовым положением государства. Этими отказами, собственно многочисленностью их, Головнин как бы даже гордился; он печатал им ведомости, которые рассылал своим знакомым и приятелям. Прилагаю здесь две такие ведомости, полученные мною от него^b Как бы, однако, он не тщеславился такими отказами, они его сильно огорчали. Почти из каждого заседания Государственного совета, где он должен был выслушивать возражения на предлагаемые им меры, он возвращался расстроенным, иногда до того, что ложился в постель. Он сам жаловался мне, что в Государственном совете почти никто не поддерживает его. Председателем совета был в то время, до своей смерти (февраль 1864) граф Д. Н. Блудов⁹⁸. Для приобретения его расположения Головнин сделал товарищем министра народного просвещения весьма приближенного к Блудову Ивана Давидовича Делянова⁹⁹. Но последовавшая вскоре затем кончина Блудова расстроила и этот расчет Головнина на поддержку.

Одним из главных оппонентов Головнина в Государственном совете был влиятельный граф Сергей Григорьевич Строганов¹⁰⁰, бывший вообще не высокого мнения о нем. В письме к профессору Ф. И. Буслаеву¹⁰¹ он писал 4 января 1862 года: «Увидим, как поведет дела свой новый министр (Головнин). Откровенно сказать, я мало ожидаю от него прока. Он, сколько я мог заметить, гонится за эффектами, выискивает новые, блестящие учреждения; думает, что до него ничего не было, и что дух нового поколения лучше прежнего. Его здесь называют красным, а я полагаю, что он честолюбивый эгоист. Представьте себе, что он вызвал редакторов известных журналов содействовать ему к устройству и водворению мира между литературой и правительством. Это опасная игра»^c.

Головнин и Академия наук

Время министерства Головнина было самое несчастное для Академии наук. По своему символу политической веры — считать негодным все существующее, он, конечно, не преминул бы и к этому созданию Великого Петра применить свои приемы обновления. Об академии, о ее прошлом и настоящем, о ее истории и значении он не имел никакого понятия. В своем незнании он представлял себе академию чем-то вроде заведения для увеселительной науки, считал, что она должна приобретать популярность то разными, хотя бы и ненужными для успехов науки экспедициями, но о которых она сама должна бы рекламировать в газетах, то изданием таких сочинений, которые были бы понятны и интересны для всех, даже для не имеющих гимназического образования. Одним словом, он хотел невозможного: чтобы собрание ученых, посвящающих себя специальным исследованиям, которыми расширяется область человеческих знаний, было популярным (вечная погоня за популярностью — кстати и некстати). Такие собрания во всем мире, даже в самых образованных странах, пользуются уважением, но не имеют популярности в головнинском смысле слова¹⁰². Тем менее можно требовать популярности для

^a Далее зачеркнуто: *частью*

^b См. приложенные при сем две ведомости о неудавшихся представлениях и полученных отказах по Министерству народного просвещения с января 1862 г. по 1 апреля 1864 г. (*Прим. автора*). В публикации они опущены: 1) Ведомость неудавшимся представлениям и полученным отказам по Министерству народного просвещения с 1 января 1862 г. по 1 апреля 1864 г.; 2) Ведомость делам, внесенным в Государственный совет по Министерству народного просвещения с января 1862 г. по апрель 1864 г.

^c [Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 358].

Академии в России, где при слабом еще развитии научного образования в обществе, не вполне созрело даже сознание пользы и необходимости науки.

Тотчас по вступлении в управление Министерством просвещения, Головнин стал забрасывать меня маленькими записочками, фамильярными по форме, но категорическими по содержанию, по делам академии. Эти цидулки ставили меня в неприятное положение. Во-первых, ими он обходил президента (Блудова), тогда как по порядку службы он должен был бы сноситься с Академией через Президента; во-вторых, он часто обращался в этих записках с такими наивными вопросами и требованиями, что я, дабы не компрометировать министра в глазах академиков, считал подчас невозможным головнинские рукописи в подлиннике Конференции, а формулировал их в смягченной форме собственными словами.

Во все то время, что я был непременно секретарем Академии, сменилось несколько министров просвещения — Абр. Серг. Норов¹⁰³, Евг. Петр. Ковалевский¹⁰⁴, граф Путятин, граф Д. А. Толстой; ни при одном из них не было ничего подобного тому беспрестанному дерганью, какому подвергалась академия со стороны Головнина. Я об этих дерганьях скажу несколько подробнее, [так как]^a они именно характеризуют Головнина как министра и показывают, какими мелочными приемами он проявлял свою министерскую заботливость об Академии, конечно, добронамеренную, но, к сожалению, неуместную.

Большей частью поводом к таким ко мне записочкам бывала какая-нибудь заметка в газетах. Раз получаю от министра вырезку из какой-то газеты о том, что музеи Академии будто бы недоступны для публики, для которой они должны были бы служить источником поучения, а между тем они открыты все один день в неделю¹⁰⁵. Как видно — одна из таких заметок, какие пишутся для газеты особого рода сотрудниками «отметчиками», которым до самого дела мало нужды, но для которых имеет важность только гонорар, получаемый за их труд, по 5-ти копеек за строчку (*penpi-a-liner*)^b. На такие заметки серьезный человек не обратит внимания; но она не скрылась от зоркого глаза министра, и он пишет мне: «Обратите внимание Ваше на посылаемую вырезку из газеты. Музеи должны быть ежедневно открыты для публики. Если Государь узнает о такой недоступности музеев Академии, то будет недоволен». — Тут в малом виде — весь Головнин. Не разбираясь, могут ли и должны ли музеи быть ежедневно открыты — прямо, [только лишь]^c со слов анонимного автора газетной заметки — грозное министерское приказание — **должны** быть открыты. Поразительная поспешность и неосновательность.

Делать было нечего, пришлось доложить академии о министерском послании, но, конечно, не в подлиннике, а собственными словами, без ссылки на пустую газетную заметку и без сопровождавшей ее угрозы, а лишь в общих выражениях, что министр желает, чтобы музеи были ежедневно открыты для публики. Вследствие этого назначена была для обсуждения вопроса особая комиссия; академик Л. И. Шренк составил обстоятельный доклад¹⁰⁶, в котором показал, что музеи, как везде, так и у нас, существуют не для одного удовлетворения простого любопытства праздных посетителей, но также, и притом главным образом, для ученых трудов, а ученые занятия в музеях невозможны в то время, когда залы переполнены толпами публики, как это бывает в дни впуска посетителей, по понедельникам. Кроме того, и работы, необходимые в видах сохранности коллекций, как то чистка их, возобновление спирта в банках, со спиртовыми предметами, пополнение коллекций вновь полученными предметами, причем требуется иногда перестановка всех предметов одной какой-либо коллекции — все эти работы нельзя производить в залах, наполненных движущейся толпой посетителей. Наконец и существующее при музеях число сторожей слишком недостаточно для надзора за сохранностью предметов при ежедневном впуске посетителей. Но если министру угодно, чтобы музеи были открыты более одного дня в неделю, то можно было бы назначить для впуска публики два дня в неделю, причем необходимо было бы отпускать музеям потребную, впрочем, очень незначительную сумму для расходов на прибавочных сторожей. Доклад, всесторонне обдуманый и ярко изложенный, был одобрен Конференцией и сообщен министру. Что же сделал министр? Он велел напечатать доклад в «Журнал Министерства народного просвещения», и тем дело кончилось со стороны министра¹⁰⁷. — Таков был мирный конец после такого грозного начала.

В другой раз министр, вдохновленный заметкой какого-то газетного всезнайки, пишет мне, в форме фамильярной цидульки: «Что это наши академики все сидят на месте; нужно бы

^a Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: *что*

^b Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: *a pennyliner*

^c Вписано над строкой

всех их послать в экспедиции по России». Что было делать с таким странным требованием! Министр, вероятно, слышал, что академия в прошлом столетии прославилась своими экспедициями, положившими начало к познанию естественных произведений России, а как она теперь таких экспедиций не посылает, то она, по мнению министра, ничего не делает. Пришлось опять поучать министра, что в течение ста лет — познание естественных произведений России сделало такие успехи, что для того, для чего в прошлом столетии ездили академики, теперь делается и должно делаться простыми коллекторами; собираемые ими коллекции поступают в наши музеи и там служат материалами для ученых работ академиков; что посылка по России академиков для собирания коллекций была бы напрасной растратой ученых сил; для академиков теперь обязательны более трудные задачи, для которых им иногда вовсе не нужно «командировок с ученой целью»; — что по нынешнему состоянию наук, достоинству академии теперь могут соответствовать лишь более трудные и сложные экспедиции, на которые нужны были бы значительные денежные средства, каких в академии нет, и для которых не всегда имеются в виду приготовленные в том специалисты. Впрочем, в угоду министру академик Бэр составил в особой записке соображения о важном предприятии — исследовании путей, по которым в доисторические времена азиатские народы проникали в Европу; таких путей он указывал два — северный — через Урал, и южный — через Кавказский перешеек. Раскопки курганов, поиски каменных орудий и пр. служили бы средствами для исследования. Но, прибавляет Бэр, для успеха таких исследований нужны особо приготовленные к ним ученые и значительные денежные средства¹⁰⁸. Доклад об этом был представлен министру и весьма просто «принят к сведению», т.е. положен под сукно.

Эти два случая я привел для образца. Подобных им было не мало. Все они показывают беспокойство мыслей у Головнина; он как бы снедаем был жаждой деятельности, занимаясь торопливо и без усталости делами; по истине *negotia pro solaciis accipiens*. На подобные неумелые заботы его об академии — академики смотрели только с жалостью, пожимая плечами.

Постоянно занятый мыслью приискать что-нибудь эффективное, Головнин однажды призвал меня к себе и сказал, что желает предоставить музеям академии более удобное для них помещение перемещением их в принадлежащий Министерству народного просвещения дом в Чернышёвом переулке (занятом квартирами чиновников Министерства). По этому вопросу была назначена конференция академии особая комиссия директоров музеев, которая по внимательном и компетентном обсуждении дела нашла, что в том доме, выстроенном для совершенно иного назначения, музеи не могут быть помещены; если же воспользоваться только местом и по словке дома возвести на место его новое здание, приспособленное для потребностей музеев, то такому зданию по ограниченности места, прилегающего к тому же, с одной стороны — к узкому переулку, а с другой — к Толкучему рынку, нельзя было бы дать даже и тех размеров, какие музей теперь имеет, причем расходов на постройку такого малоудобного для музеев здания был бы гораздо значительнее того, во что обошлось бы увеличение помещений нынешних музеев надстройкой на здании академических музеев еще одного этажа¹⁰⁹. Этот вывод был обставлен подробными данными и техническими расчетами. Комиссия, имея в виду желание министра улучшить размещение музеев расширением их помещений, присовокупила и примерный расчет, во что обошлась бы надстройка на них еще одного этажа.

В комиссии при обсуждении этого дела присутствовал, по желанию Головнина, его доверенный, Ник. Влад. Ханыков¹¹⁰, который, как умный человек, не мог не согласиться с заключениями обстоятельного доклада комиссии, но хорошо зная Головнина, заметил, что так как комиссия не соглашается с мыслью Головнина о перемещении музеев Чернышёв переулок, то из этого ничего не выйдет, и на надстройку этажа на здании нынешних музеев денег министр не даст. Так и случилось, к счастью музеев. Головнину дорога была не сущность дела, не улучшение существующего, а новая, эффективная мера — возведение новых музеев, с которыми связалось бы его имя, — а затем хор хвалебных статей в газетах, долженствовавших разнести по всей России весть о деяниях громких министра.

xxx

Особенно резкой чертой в характере Головнина как министра, являются его отношения к газетам. Эти испачканные типографскими чернилами листы считал он изречениями общественного мнения, которому он поклонялся, и поклонения которым он требовал и от своих

подчиненных. Сколько доставалось мне от Головнина попреков за то, что я не поддавался^a его подтакиваниям и не впутывался в газетную полемику из-за академии. По недостаточности своего политического образования он не ярко видел всю разницу между прессой стран, дозревших до политической свободы, неразлучной со свободой мнений и слова, и прессой страны, где этой свободы еще не существует и пока еще не может существовать; если в первых — пресса есть сила, то в последней она может считаться таковой только у заносчивых журналистов, которым по коммерческим соображениям выгодно выдавать себя за глашатаев общественного мнения, тогда как, в сущности, они могут говорить только то, что позволяет им говорить полицейская власть (цензура).

В другом месте своих воспоминаний я подробно рассказал¹¹¹, как издававшиеся от Академии «С.Петербургские ведомости» были сданы в аренду Вал. Фед. Коршу¹¹² и как ловко воспользовался при этом Краевский, чтобы получить через Головнина разрешение на издание газеты «Голос» с пособием от казны по 12.000 руб. в год¹¹³.

Краевский, незаконнорожденный сын какой-то московской модистки (Фурман) прошел как-то через Московский университет в то доброе старое время, когда можно было кончить курс без большого напряжения мозгов. Не зная ни одного иностранного языка, он не мог и после пополнить чтением иностранных авторов недостатки тогдашнего университетского образования. Он рано принялся за журнальное дело и при своей сметливости и коммерческих способностях успел скопить себе большое состояние. Особая внимательность, которую Головнин, сделавшись министром, оказывал газетчикам, послужила догадливому Краевскому дорогой к дверям кабинета министра, у которого он сделался негласным, настоящим «тайным советником». Получив «через этот фортель» разрешение на издание «Голоса», он по внушению ли Головнина или только с его молчаливого согласия — *tacito consensu*^b — открыл столбцы своей газеты для всяких нападок на академию. Для Краевского это был простой коммерческий расчет; известная часть публики, читающей русские газеты, не слишком останавливается на статьях хвалебного пошиба; зато жадно накидывается на хлесткие статьи характера обличительного, на издевательства, насмешки и персифляжи над чем бы то ни было, и особенно над вещами, достойными уважения, восхищаясь газетным гаерством.

Ай, моська, знать она сильна,
Коль лает на слона.

Нападки на академию, с легкой руки «Голоса», нашли себе, по закону торговой конкуренции, усердных подражателей в панурговом стаде других газетных борзописцев, и вот начался тот дружный концерт насмешек и пасквилей, которыми газеты головнинского времени осыпали при разных случаях академию и академиков.

Такие оскорбительные для академии статьи возбуждали в академиках тем более досады и огорчений, что они появлялись в заведомо официальном органе Министерства просвещения.

Нападки на академию были для меня вдвойне неприятны, так как Головнин постоянно требовал, чтобы я отвечал на них. По-видимому, он считал газетную полемику, им же самим возбужденную, в числе средств действия, как министра. Напрасно представлял я ему резоны, по которым я не мог и не должен был как представитель академии, вступать в печатные разговоры с газетами; резоны мои его не убеждали, да, конечно, и не могли убеждать по самому различию во взглядах его и моих на значение газетных насмешек и брани. Я представлял Головнину, что на нападки, направленные не лично на меня, а на академию, я лично от себя отвечать не в праве, так как по своей должности неперменного секретаря служу представителем академии и выразителем ее решений и желаний, и мог бы отвечать не иначе как с разрешения и одобрения Конференции, а академия, как мне известно по разным случаям, считала всегда неприличным для себя публично препираться с анонимными газетными балагурами; да и вообще ни один человек, не потерявший чувства собственного достоинства, не станет отвечать на насмешки и задорные пасквили каких-то темных писак, которые даже не смеют подписывать своим именем статьи, не стоящие внимания честных людей.

Ничего не помогало, и от времени до времени Головнин возобновлял свои подталкивания меня на газетную полемику, так что я наконец не вытерпел, и произошло у меня следующее столкновение с Головниным.

^a Слово вписано над строкой

^b По молчаливому согласию (лат.)

В 1863 г., 12 ноября я получил от него такую записочку, «Вот, почтеннейший Константин Степанович, статья "Современника", которой я прошу Вас серьезно заняться и на которую написать сильное опровержение, чтобы раз навсегда покончить с толками о бесполезности академии. Пожалуйста, покажите мне Вашу статью прежде напечатания. Головнин».

При этой записке была приложена 10-я (октябрьская) книжка журнала «Современник» 1863 года, в которой в отделе «Внутреннее обозрение», стр. 403–409, напечатан написанный в ироническом тоне обзор некоторых последних трудов Академии, преимущественно по Отделению русского языка и словесности, и помещены насмешки над Я. К. Гротом и его изданием Державина¹¹⁴.

На означенную записку я отвечал Головнину 19 ноября письмом следующего содержания:

«По поручению Вашему прочитав в 10 книжке "Современника" страницы, посвященные насмешкам над Академией наук, я долгом считаю, при возвращении этой книжки, приложить мысли, возбужденные во мне чтением этой статьи.

Статья "Современника" носит на себе характер большей части статей, появляющихся в фельетонных отделах этого журнала, т. е. отличаются недобросовестностью и глумлением, которое может только возбуждать презрение во всяком благомыслящем человеке. Возражать на такие статьи нельзя тому, кто имеет в себе чувство собственного достоинства, тем менее может возражать на такие выходки академия, высшее ученое сословие в государстве, которое может вести ученый спор, но не должно становиться на одну доску с балаганными шутами. Всякий, конечно, согласится, что заставлять академию публично оправдываться против пасквилей безымянных фельетонистов, значило бы унижать достоинство академии и науки. Некоторые наши журналы до того мало дорожат истиной, просвещением и общим благом, до того превратились в мелочные лавочки, торгующие скандалом, что вести с ними спор нет никакой возможности. Притом, никак нельзя ожидать, чтобы каким-нибудь возражением со стороны академии на направленные против нее нападки можно было бы положить конец этим нападкам. Напротив, такие журналы, как "Современник", "Отечественные записки", "Голос" и некоторые другие, были бы очень рады появлению какой бы то ни было полемической статьи в защиту академии, для того чтобы иметь поводы еще желчнее напасть на нее. Что это не простое предположение, я должен Вам напомнить, что "Голос" с самого своего основания начал швырять грязью в академию, и если уже речь зашла об этом предмете, то не могу скрыть от Вас, что такое направление "Голоса" возбуждает странное чувство в академии, ибо известно, что эта газета находится в особых отношениях к Министерству народного просвещения, получает от него пособие и служит ему официозным органом, в котором помещаются из первого источника разные **communiqué** министерства. Позвольте мне быть откровенным и спросить, что может думать академия, встречая подобные на нее нападки в газете, которая, по-видимому, должна была бы в своих суждениях об одном из главных учреждений ведомства министерства, сообразоваться с видами и желаниями сего министерства?

Прибавлю к этому одно обстоятельство: г. редактор "Отечественных записок" и "Голоса" до того мало скрывает свою программу: **delenda Academia**^a, что в последнем заседании Географического общества, по окончании чтений, среди довольно многочисленного кружка членов, следовательно, весьма публично, и весьма категорически объявил, что его цель — уничтожить академию и что он постоянно будет помещать бранные статьи против нее. Что г. Краевский злобствует на академию, это очень понятно, но с какой целью цензура^b одобряет в печать всякую брань на академию — это трудно себе объяснить.

Душевно преданный Вам
К. Веселовский».

На это письмо я получил на другой же день уже не фамильярную записку Головнина — товарища, а в церемонном^c тоне составленное^d письмо Головнина-министра:

«Милостивый государь Константин Степанович.

На письмо Вашего Превосходительства от 19 ноября я не считаю удобным отвечать официально, ибо в таком случае мне следовало бы обратиться к графу Д.Н. Блудову, которого я

^a Академия должна быть разрушена (лат.)

^b В то время статьи периодических изданий еще подлежали, прежде напечатания, просмотру предварительной цензуры, состоявшей еще в ведомстве Министерства народного просвещения (Прим. автора)

^c Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: *официальном*

^d Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: *редактированное*

вовсе не желаю утруждать предметами помянутого письма, но **совершенно частным образом** нахожу необходимым сообщить Вам следующее.

Вполне справедливо, что фельетонные статьи некоторых наших журналов отличаются недобросовестностью и что академии не следует вступать в споры с подобными статьями^a. Но, тем не менее, справедливо, что с каждым днем печатное слово, и в особенности периодическая пресса, приобретают более и более влияния на наше общество, а это влияние обуславливает сочувствие общества и к ученым учреждениям^b. Таким образом, Вам весьма хорошо известно, с какими трудностями сопряжено усиление средств Академии наук^c, между прочим, оттого, что ученая деятельность Академии подвергается в течение многих лет порицаниям^d, которые остаются без всякого опровержения и потому производят невыгодное впечатление даже на самых беспристрастных читателей, мало знакомых с деятельностью академии. Посему я остаюсь при том убеждении, что, не входя ни в какую полемику с фельетонными статьями и особенно со статьями, отличающимися неприличным тоном, непреременный секретарь академии обязан всеми мерами знакомить общество с учеными трудами^e и характером деятельности этого учреждения и тем значением, которое оно имеет в ученом мире. Для сего недостаточно ученых Записок Академии, которые читаются весьма немногими специалистами, но необходимо печатать по временам в периодических изданиях статьи в той или другой форме. Упорное молчание и презрение к общественному мнению и к периодической прессе приносит академии положительный вред, и о бездейственности непреременного секретаря по сему предмету сожалеют самые искренние его доброжелатели.

Затем я должен указать Вам на некоторые совершенно ошибочные Ваши предположения.

Вы говорите, что направление газеты "Голос" возбуждает странное чувство в академии, ибо известно, что эта газета находится в особых отношениях к Министерству народного просвещения, получая от него пособие, и служит ему официозным органом, в котором помещаются из первого источника разные "communiqués" министерства. Мне, милостивый государь, известно, что газета "Голос" никакого пособия от Министерства просвещения не получает^f и официозным органом ему не служит^g, а получает разные сведения, или "communiqués", как Вы называете, наравне с другими газетами, которые желают подобными сведениями пользоваться; особые отношения этой газеты к министерству заключаются в том, что по представлению Министерства просвещения г. Краевскому разрешено было издавать газету "Голос"^h вследствие того, что С.-Петербургские Ведомости переданы были г. Коршу без соблюдения тех обыкновенных условий приличия, на которые имел полное право прежний

^a А что же министр требовал, чтобы я вступил в спор с фельетонной статьей «Современника», даже занялся ею серьезно?

^b Министр, направляющий покорную ему газету на академию, а потому поучающий непреременного секретаря той же академии о важном значении печатного слова — *c'est bien là du haut-comique* (действительно, в высшей степени смешно — фр., прим. публикатора)! Напрасно Головнин думает, что сочувствие общества к науке и Академии наук обуславливается газетными статьями; оно обуславливается единственно степенью развития в обществе научного образования (Прим. автора).

^c Никак не могу сказать, чтобы это мне было весьма хорошо известно; мне даже неизвестно, делал ли Головнин какие-либо попытки к доставлению академии усиления ее средств (до ноября 1863 г.). По крайней мере, от академии не было, помнится, сделано представлений о том. А если Головнин действительно встречал трудности, о которых он говорит, то причины на то были совсем иного рода. Да и каково же должно быть то правительство, которое в своих заботах о поощрении наук в России стало бы руководствоваться газетными отзывами.

^d Ученые труды академии известны и уважаются во всем ученом мире; а порицаниям, или точнее сказать, — издевательствам они подвергаются лишь в русских газетах — как признак [низкого уровня] (вместо зачеркнутого: *жалкого состояния*) образования газетных деятелей (прим. автора).

^e Это он и делает, представляя ежегодно в публичных заседаниях академии отчеты об ученых ее трудах, печатая затем эти отчеты в газетах и журналах, выпуская в свет под своей редакцией Записки академии и пр. Все это читают желающие, и не во власти непреременного секретаря заставить насильно читать печатаемые им отчеты тех, кто вообще не интересуется наукой (прим. автора).

^f Тут есть недостойная иезуитская увертка; казенное пособие «Голос» получает не от министерства, но **по представлению** министерства. Верно, Головнин сам стыдится этого факта, что так упорно отрицает существование исходатайствованного им пособия (прим. автора).

^g И не дрогнула Головнина рука — написать такую неправду. Для чего же исходатайствована им казенная субсидия «Голосу», как не для того, чтобы у него была подручная ему газета (прим. автора).

^h Почему же Головнин не прибавил далее «с ежегодной казенной субсидией в 12 000 руб.»? (прим. автора).

редактор С.-Петербургских Ведомостей^a. Вы спрашиваете, что может думать академия, встречая нападки в газете, которая должна была бы в своих суждениях об одном из главных учреждений ведомства Министерства просвещения сообразоваться с видами и желаниями сего министерства. Ответ на это весьма прост: Министерство просвещения не стесняет свободы ни одной газеты и ни от одной не требует, чтобы она сообразовалась с видами и желаниями сего министерства, полагая, что полная независимость печатных органов всего полезнее для успехов просвещения^b.

В заключение Вы, милостивый государь, говорите, что трудно себе объяснить, с какой целью цензура одобряет в печать всякую брань на академию. Жалобы на снисходительность цензуры весьма неожиданны и странны^c со стороны ученого секретаря высшего ученого в Империи учреждения, так как полная свобода печатного слова всегда полезнее для преуспевания науки, не требующей никаких охранительных мер. Цензура должна защищать религию, нравственность и политические учреждения государства, но ни в каком драконовском законодательстве не встречается постановления, которое обязывало бы цензуру запрещать осуждение или порицание ученых трудов и занятий ученых учреждений, кои в подобной опеке не нуждаются.^d

Примите уверение в совершенном почтении и преданности. А. Головнин».

Это письмо произвело на меня тяжелое впечатление. Уважая Головнина за его добронамеренность и обходительность, я был неприятно поражен этой недостойной казуистикой, этим извращением мыслей, против которых он возражал — чертами, столь несвойственными открытому и прямому характеру.

Прежде всего я показал это письмо президенту графу Д. Н. Блудову, который только^e усмехнулся своей доброй, несколько насмешливой улыбкой, которой он как бы хотел сказать: «Каков ваш Головнин!» (в разговоре со мной он нередко называл его: «ваш Головнин»).

Следствием этого столкновения было, что с тех пор переписка в форме фамильярных цидулек — прекратилась — и возобновилась только после падения Головнина. Пропастью между нами стала радикальная разница в наших взглядах на газетное слово того времени. С его взглядами, ставившими его ни сколько не выше обыкновенного борзописца, я не мог ни согласиться, ни примириться. Стоит только сравнить отзывы и мнения Бисмарка о газетах, со взглядами на них Головнина, чтобы измерить все расстояние, отделяющее настоящего государственного человека от контрафакции его.

Впрочем, Головнин впоследствии и сам излечился от своего ослепления газетами, когда Катков показал на нем самом значение того печатного слова, которым владеет человек с обширным умом, с разнообразными познаниями и с блестящим литературным талантом. В письме от 26 февраля 1882 г. Головнин писал мне: «Меня глубоко возмущают циничные выходки газет против академии» (по поводу так называемой Менделеевской истории)¹⁵. Но было уже слишком поздно; он уже не был более министром и, следовательно, уже не был властен исправить вред, причиненный академии его ребяческой системой управлять государственными делами посредством газетной болтовни. Самые нападки на академию из-за Менделеева, которые его возмущали, были лишь последствием кампании, которую вел против академии «Голос» во время министерства Головнина.

xxx

Позволяю себе вставить здесь рассказ об одном случае, само по себе не важном, но имеющем отношение к тому, как Головнин, будучи министром, смотрел на академию.

^a Это, очевидно, написано со слов самого Краевского, и совершенно неверно. Не Краевский, а Очкин был редактором С.Петербургских Ведомостей до передачи их Коршу; а с Краевским академия не имела никакого дела и правил приличия в отношении его никаких не нарушала. Это показано мною подробно, с фактами, в отрывке из моих воспоминаний, напечатанном в «Русском архиве» Бартенева, 1893, № 7, стр. 393–398.

^b Вскоре затем Головнин должен был узнать на деле «пользу независимости печатных органов», когда Катков громил его со столбцов Московских Ведомостей и много способствовал его падению (прим. автора).

^c Слово вписано над строкой

^d Жалкая и недостойная казуистика. Я говорил об **оскорблениях**, наносимых Академии, учреждению государственному путем печати, с одобрения цензуры, а повсюду, где существует цензура, она имеет обязанностью не допускать **оскорблений**. Все прочее, что говорит Головнин о полной свободе печатного слова (в монархическом правлении) есть умственный недоносок (прим. автора).

^e Далее зачеркнуто: *улыбну*

Князь Орлов¹¹⁶, в бытность свою Российским посланником в Брюсселе, задался мыслью во время одного из своих приездов в Петербург на вербовать смысленных и сведущих русских корреспондентов для бельгийских газет «Indépendance Belge» и «Nord» с тем, чтобы помощью таких корреспонденций противодействовать ложным сведениям, распространяемым в России враждебными нам газетами. В этих видах он обратился за содействием ему в этом деле к Головнину, с которым он был давно приятельски знаком. Однажды я получил от Головнина приглашение «на чашку чая», с присовокуплением, что я увижу у него князя Орлова, желающего устроить литературно-газетную связь между Петербургом и Брюсселем. Явившись в назначенный час, я уже застал там Орлова. После обычного представления нас одного другому, дипломат обратился ко мне à brûte pour point^a со словами: «Да; Вы в академии; а что академия... она ничего не делает». Вместо ответа на такую неожиданную любезность из уст человека благовоспитанного и к тому еще дипломата я только взглянул на Головнина, дав ему тем понять, что если до моего прихода он говорил в этом духе Орлову об академии, то он же должен и отвечать на глупый вопрос, предложенный его гостю: «tirez Vous en comme vous l'entendez»^b. Головнин понял мой взгляд и в довольно смутных фразах что-то отвечал князю. Для меня было ясно, что вопрос, с которым князь обратился ко мне, состоял в связи с разговором, какой был перед моим приходом, между Орловым и Головниным. Но если дипломат, впрочем, более отличившийся в дыму сражений^c, чем в тумане дипломатических хитростей, позволил себе быть неприличным, то я не считал себя обязанным подражать его примеру, иначе я бы мог ему отвечать: «Да, действительно, академия наук ничего не делает для тех, которые не прошли даже порядочной гимназии; о трудах же академии мог бы сказать:

Ces choses là sont rudes

Il faut pour les comprendre avoir fait ses études»^d.

Такое поучение с моей стороны могло бы относиться не сколько к князю Орлову, которому до академии, конечно, было мало дела, сколько к министру народного просвещения, которому не мешало бы несколько лучше знать наше высшее учебное учреждение.

Ник. Вас.^e Ханьков, хороший ориенталист и математик, большой приятель Головнина, имевший с ним частые разговоры об академии, откровенно сознавался мне, что Головнин «еще недоразвился до понимания, что такое академия наук и для чего она существует».

[Ф. П. Литке]

Назначение в 1864 г. (23 февраля) Федора Петровича Литке президентом Академии, на место скончавшегося графа Д. Н. Блудова^f, имело для академии глубокие последствия, изменив не к выгоде ее отношение к ней Головнина. Пока между министром и академией стоял президентом Блудов, его крупная личность заслоняла ее от вожделий Головнина коснуться его реформаторской рукой древнейшего создания Петра Великого. — Головнин, конечно, пробовал говорить с Блудовым о желательности нового Устава для Академии, и получал от него в ответ решительное **non possumus**^g. Я хорошо знал мысли Блудова по этому предмету. Он неоднократно говорил мне, что не видит неотложной надобности в новом уставе, так как [вся жизнь Академии заключается в ученых трудах ее членов, а этим трудам и нынешний устав несколько не препятствует;]^h между тем всякий новый устав непременно был бы сопряжен с увеличением ее бюджета, а зная затруднительное положение государственных финансов, позволяющее думать только о неотложных государственных потребностях, он, Блудов, не считает возможным ходатайствовать о каком-либо увеличении сумм на содержание академии. Слова мудрые, достойные истинно государственного человека, для которого дорого одно благо отечества. Но «честолюбивому эгоисту», как метко охарактеризовал Головнина граф Строганов, мало было

^a В высшей степени бесцеремонно (*фр.*).

^b Выпугивайтесь по своему усмотрению (*фр.*).

^c Он был при одном из штурмов Силитрии (слово написано над строкой вместо зачеркнутого: *Карса*), контужен в голову и, кажется, всю жизнь страдал от этой контузии — без эпиграммы (прим. автора).

^d Это трудное дело, чтобы в нем разбираться, нужно учиться (*фр.*).

^e Ошибочно, надо: *Влад.*

^f Граф Д. Н. Блудов скончался 19 февраля 1864 г., на 79 году своей жизни, после долгой и тяжелой болезни (прим. автора).

^g Мы не можем (лат.)

^h На полях, напротив предложения карандашом написано: NB.

нужды до затруднительности русских финансов, как скоро дело шло о какой-нибудь новой «реформе» его покроя, которой он должен был блеснуть и заслужить лавры популярности. Поэтому можно было ожидать, что по смерти Блудова будет назначен на его место человек, подручный Головнину, который мог бы при нем и через него сделать из академии, что хотел. Так оно и вышло.

xxx

Тотчас по смерти Блудова я был призван к Головнину якобы для совещания по вопросу о том, кого бы для Академии было желательно иметь президентом. При этом им были перебраны разные имена, тут же сопровождаемые замечаниями, которые обыкновенно связывают с главным предложением частицей **но...**; можно бы того, но... Так, между прочим, он сказал: «Самым лучшим президентом был бы, конечно, великий князь Константин Николаевич; но президентство его нужно было бы обставить большим блеском, умножить число членов, снабдить академию большими средствами для ученых предприятий, и пр., но для всего этого нужно много денег, а их теперь не дадут». При всех таких размышлениях имя Литке не было ни разу произнесено Головниным, и вообще казалось, что перебор разных имен был делаем Головниным лишь для вида, как-то неискренне, а что, собственно, его мысль им не высказывалась. Может быть, ему хотелось услышать от меня, что для академии было бы всего желательнее соединение звания президента со званием министра просвещения, как было при гр. С. С. Уварове¹¹⁷. Но я был умышленно недогадлив.

Два дня после того, на похоронах Блудова в Александро-Невской Лавре, уже в церкви мы узнали о назначении Литке президентом. При этой вести сердце у меня йкнуло недобрый предчувствием. Я знал Литке давно, по Географическому обществу, когда я был председателем статистического отделения и членом совета этого общества. [Более неудачного выбора нельзя было сделать, как доказали потом несчастные]^a 18 лет, в течение которых этот в то время отживший старец «занимал должность» президента (именно только занимал должность, как ненамеренно обмолвился каламбуром биограф Литке академик В. П. Безобразов)¹¹⁸. Но об этом после.

Теперь Головнин достиг своей цели и мог распорядиться академией на свой манер. Он помыкал старым адмиралом безо всякой церемонии, а тот был в экстазе от ума Головнина^b.

[Граф Блудов не был сторонником идеи о необходимости для Академии нового Устава; но когда были при Головнине повышены штаты университетов, то он признал справедливым просить о таком же повышении и штатов Академии. Этим Головнин воспользовался, чтобы провести свою любимую мысль о новом Уставе, и в ответ на предложение Блудова об уравнение штата Академии со штатами университетов, сообщил состоявшееся по его докладу 24 декабря 1863 года Высочайшее повеление, которым «предоставлялось»^c Академии наук составить проект нового Устава с целью усилить ее ученую деятельность, **направив ее преимущественно на пользу России**».

В этой последней фразе отразился весь Головнин; отразилось его непонимание сущности задач, для которых существуют всякие академии, в том числе и наша; все незнание истории Императорской Академии наук, которая с самого своего основания и во все время своего существования приносила пользу России, и которую не было надобности теперь **направлять преимущественно** в эту сторону. В этой фразе лежала *implicite*^d как бы мысль, что доселе Академия была мало полезна для России, — т.е. фельетонное общее место, которое на разные лады размазывалось известного пошиба газетами, но которое Головнин, с нарушением справедливости относительно академии, включил, к сожалению, в текст Высочайшего повеления.^e

Чтобы вразумить Головнина, а, может быть, и не одного его, о том, какие были заслуги Академии перед Россией, я написал и прочитал в публичном заседании Академии 29 декабря 1864 г. пространную речь: **Историческое обозрение трудов Академии наук на пользу России** в

^a На полях, напротив предложения карандашом написано: NB .

^b Далее текст вымаран.

^c Текст написан на половине листа и вклеен в тетрадь.

^d Скрытым, неявным образом (лат.).

^e Далее зачеркнуто: *Как бы то ни было, нужно было составлять новый устав академии «на пользу России»*

прошлом и текущем столетиях. Эта речь многим понравилась, заслужила мне с разных сторон поздравления, между прочим, от Модеста Андреевича Корфа; но некоторой категории газеты ее замолчали, и я не уверен, чтобы она заставила Головнина переменить его мнение об академии.

Как бы то ни было, пришлось составлять новый Устав **на пользу** России. Назначена была для этого большая комиссия из академиков, и как всегда бывает в многочисленных собраниях, пошли нескончаемые прения, споры и взаимное трение разных взглядов, которыми мне пришлось руководить как фактическому председателю комиссии, и потом составлять редакцию решений, неоднократно переделывать ее и сочинять к ним пояснительные записки и изложение мотивов — работа скучная, утомительная, неблагодарная, которая бесплодно поглотила много труда и времени. Я до сих пор не могу без сожаления вспомнить о той напрасной трате сил, которые я мог бы употребить гораздо полезнее на ученые работы.

Работа в многочисленных комиссиях всегда подвигается медленно, а между тем нетерпеливый Головнин беспрестанно понукал по президента, то меня, о скорейшем представлении ему проекта устава. Наконец, *per tanta aspera*^a, к началу 1865 года проект готов и сдан^b в Типографию для набора и отпечатания. Узнав об этом, Головнин потребовал, чтобы было при этом приготовлено для него 300 экз.¹¹⁹ — Легко было угадать, какое предстояло для них употребление. Тогда академики просили Литке сказать министру, что если требуемые им экземпляры назначаются для рассылки в редакции газет, то академия^c предпочитает лучше отказаться от благоденствий нового устава, чем подвергаться по поводу этого устава новым злостным газетным нападкам. Литке, как он мне сообщил, исполнил эту просьбу и получил от Головнина **формальное обещание, что проект устава не будет им разослан в редакции газет.** Каково же было наше негодование, когда два, три дня спустя появились в журналах, сперва в «Сыне отечества» Старчевского (31 января 1865), а потом и в других, дословные перепечатки некоторых приложений к проекту устава. Обратились к Литке за объяснением. Он полагал сперва, что газеты добыли себе экземпляры нашего проекта какими-нибудь окольными путями, ибо верил обещанию Головнина; но, переговорив с ним, он узнал, что Головнин не сдержал данного ему обещания, и что экземпляры академического проекта сообщены редакциям газет и журналов по его распоряжению. Такое вероломство глубоко возмутило академиков, но не Литке, который, конечно, не мог не признать некрасивости поступка Головнина, но, чувствуя себя бессильным, чтобы бороться с ним, предпочел кое-как объяснять это дело, говоря: «Ну, что же делать; плетью обуха не перешибешь!» Так-то, так; но с Блудовым Головнин не посмел бы сыграть такую штучку.

Этот случай показал нам всем, как мало Головнин уважал Литке, не стеснясь компрометировать его в глазах академиков. Зато и академики смотрели на Литке как на человека без характера и без веса.

То, что можно было предвидеть — случилось; газеты и журналы разразились по поводу проекта устава обычными у них злостными нападками; к ним присоединилась и выстрелы более тяжелой артиллерии; Московский университет прислал министру в качестве постановления Совета злобную и глупую диатрибу, написанную фанатиком Бодянским¹²⁰ — и, о нравы! о чувство приличия! Головнин прислал эту диатрибу официально в Академию, как бы не сознавая оскорбительности своего поступка¹²¹. Даже дряхлый Ив. Петр. Шульгин¹²² и тот лягнул академию своим старческим копытом¹²³.

С аккомпанементом хора таких отзывов Головнин внес проект устава, несколько исковеркав его еще от себя, в Государственный совет; но не успел совет приступить к его обсуждению, как Головнин сам слетел, от дуновения Муравьева с министерского кресла, и проект устава академии вместе с другими внесенными Головниным представлениями были из Государственной канцелярии обращены к новому министру просвещения графу Д. А. Толстому, который все эти незрелые продукты головнинской культуры положил под сукно, и хорошо сделал¹²⁴.

Так кончились, к^d счастью Академии, заботы Головнина о ее благополучии.

Увольнение Головнина от должности министра было встречено академиками общей, неподдельной радостью.

^a Через все тернии, трудности (лат.).

^b Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: *поступил*.

^c Далее зачеркнуто: *лучше*.

^d Слово написано над строкой вместо зачеркнутого: *радости*.

Как возвышение Головнина было постепенным и рассчитанным восхождением с низших ступеней административной лестницы до верхних, так падение его было внезапно и неожиданно. Весной 1866 г. он предположил употребить часть предстоявшего лета на осмотр некоторых учебных округов. План этой поездки уже был высочайше одобрен, как вдруг (в апреле) раздался у ворот Летнего сада преступный выстрел Каракозова¹²⁵, повергший в ужас всю Россию. Следствие по этому злодеянию было поручено бывшему Виленскому генерал-губернатору, усмирителю польского мятежа в северо-западных губерниях М. Н. Муравьеву, который, приступая к расследованию этого дела, поклялся, что ляжет костью, а раскроет все корни и нити адского преступления Каракозова. Вскоре затем, когда Головнин был у Государя с докладом об окончательных распоряжениях относительно осмотра учебных округов, вслед за ним вошел в кабинет Государя Муравьев со своим докладом, а когда он оттуда вышел, то высочайшим указом 14 апреля (1866) Головнин был уволен от должности министра. В обществе говорили, что главным обвинением против Головнина был в докладе Муравьева дурной дух молодежи, проявившийся в высших учебных заведениях в министерство Головнина. Другие же толковали удар, нанесенный Головнину, иначе, считая его проявлением явного антагонизма, существовавшего между бывшим Виленским проконсулом и великим князем Константином Николаевичем¹²⁶.

Год спустя после своего падения Головнин проводил летние месяцы в своем рязанском имении Гулынки¹²⁷, а я в том же году (1867) предположил во время летних каникул в академии поехать погостить у моего брата, управлявшего одним большим имением А. И. Львова, в Балашовском уезде Саратовской губернии. Узнав об этом, Головнин взял с меня слово, что я по пути заеду к нему погостить несколько дней в его Тускулануме¹²⁸, лежащем недалеко от одной из станций Московско-Рязанской железной дороги. Он принял меня весьма любезно, выслал за мной на станцию железной дороги экипаж, в его уютном доме была приготовлена для меня особая комната, снабженная всем необходимым комфортом. Головнин сам по слабости здоровья держал очень простой диетный стол, но в ожидании моего приезда был посылаем в ближний город повар для закупки изысканнейшей провизии, какую можно было там отыскать — одним словом, прием был самый любезный и внимательный. Прежде всего, он пожелал, чтобы я осмотрел построенную им недалеко от дома, на собственные средства, весьма красивую каменную церковь, которая могла бы быть украшением любого уездного города, — затем сельскую школу и сельскую больницу, обе устроены так целесообразно и так щедро снабженные всем необходимым, что могли бы поистине служить образцами для подобного рода заведений. Я провел в Гулынках два дня, пробыл бы охотно и долее, если бы не боялся стеснить любезного хозяина, жертвовавшего для меня своими привычками в усвоенном им там образе жизни.

Гуляя со мною в тени развесистых деревьев своего сада, Головнин в разговорах изливал всю горечь, накопившуюся на его сердце, глубоко уязвленном смещением с министерского места; жаловался на великого князя, не поддержавшего его, не защитившего его от ударов Муравьева, и тут же сетовал на Рейтерна за то, что он не последовал за ним, не просил об увольнении от должности министра финансов тотчас после того, как был уволен он, Головнин. Таково человеческое сердце! Когда он продвигал Рейтерна к министерскому посту, то, конечно, говорил, что это было нужно для блага отечества; а теперь он скорбел, что тот продолжает трудиться на благо того же отечества. Это напоминало знаменитое:

Ах, если бы со мной погибла вся вселенная!¹²⁹

и доказывает, как трудно заживают раны, наносимые сердцу честолюбца. Очень верно сказал Эжен Мелькиор де Вогюэ¹³⁰: *le temps qui cicatrise les blessures des autres passions, élargit celles de l'ambition; chez ceux qui ont possédé le pouvoir, le veuvage est inconsolable, les années semblent augmenter le regret de ce qu'ils ont perdu*^a.

Скатившись с горней высоты министерской, Головнин скрывается для истории в тени частной жизни. Хотя он еще носит до самой смерти (3 ноября 1886 г.) звание члена Государственного совета, но его деятельность там не имеет уже никакого влияния на ход государственных дел.

Жизнь его^b представляет яркое подтверждение той истины, что честолюбие, без солидных качеств государственного человека, это — лестница, у которой недостает верхних ступеней.

^a Время, которое врачует раны других страстей, усиливает страсти честолюбия; у тех, кто обладал властью, вдовство безутешно, и кажется, что годы только усиливают скорбь о том, что власть была утрачена (фр.)

^b Далее зачеркнуто: *подтверж*

Поэтому и след, оставленный его государственной деятельностью, был неглубокий, и скоро совсем изгладился в потоке последовавших событий и явлений.

Комментарии

¹ *Лоренс Стерн* (1713–1768), автор романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

² Веселовскому вторит Е.М. Феоктистов: «Впечатление произвел он (Головнин) на меня не совсем приятное. Я увидел перед собой человека довольно безобразной наружности, маленького роста, горбатого, — было в нем что-то напоминавшее японца; говорил он медленно, докторальным тоном, впрочем, манеры его отличались утонченной вежливостью и вообще держал он себя джентльменом. Я состоял при нем на службе четыре года и ни разу не приходилось мне слышать, чтобы он на кого-либо вспылывал, высказал сколько-нибудь резко свое неудовольствие. Злопамятства было у него однако очень много, но он предпочитал выждать удобного случая, чтобы спустить неприятного ему человека»: *Феоктистов Е. М.*, 1929. С. 128–129.

³ Головнин учился в Царскосельском лицее с 1835 по 1839 гг. и окончил его с чином IX класса и с золотой медалью.

⁴ *А. С. Пушкин*. Евгений Онегин. Гл. 1. XLIII.

⁵ *Саломон Петр Иванович* (1819–1905), с 1864 г. сенатор, с 1889 г. член Государственного совета.

⁶ *Николай Александр Павлович* (1821–1899), с 1862 г. товарищ министра народного просвещения и член Главного управления цензуры, с 1863 г. сенатор и начальник Главного управления наместника кавказского, с 1875 г. член Государственного совета, в 1881–1882 гг. министр народного просвещения, в 1884–1894 гг. председатель департамента законов Государственного совета.

Впоследствии Головнин вспоминал о своих расхождениях с ним: «Барон Николай обвинял меня в слишком либеральном направлении и находил совершенно ошибочными мои мысли о пользе свободы печати, самоуправления, гласности судов с присяжными адвокатами, рассматривание подчиненными местами и обсуждения в журналах проектов уставов, составленных разными комиссиями при министерствах и пр.»: *Головнин А. В.*, 2004. С. 431.

⁷ *Рейтерн Михаил Христофорович* (1820–1890), граф, в 1862–1878 гг. министр финансов, с 1862 г. член Государственного совета, в 1881–1886 гг. председатель Комитета министров. Подробнее см.: *Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г.* М.Х. Рейтерн: биографический очерк. С приложениями из посмертных записок М.Х. Рейтерна. СПб., 1910; *Чернуха В.Г.* Программная записка министра финансов М.Х. Рейтерна (сентябрь 1866 г.) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1978. Т. X. С. 269–284.

Головнину было горько услышать от него такие обвинения: «Рейтерн говорил мне однажды, что я главный виновник горячки реформаторской, которая отличает нынешнего государя, ибо своим влиянием на великого князя побудил его все преобразовывать в его ведомстве, а что государь смотрел равнодушно на деятельность брата и сам пустился все преобразовывать еще на большем поприще, и что, таким образом, я причинил много вреда и, в другой раз, что со многими лицами, с которыми был прежде в хороших отношениях, я разошелся собственно потому, что имел привычку, чтоб побудить людей к работе, обращаться к их слабостям и недостаткам (самолюбию, тщеславию), преувеличенно хвалить их достоинства, и это оканчивалось тем, что люди эти начинали понимать, что я не имел о них того высокого мнения, какое показывал им, и тем более на меня сердились»: *Головнин А.В.*, 2004. С. 431.

⁸ *Литке Федор Петрович* (1797–1882), граф (с 1866), адмирал, воспитатель вел. кн. Константина Николаевича (с 1832), вице-председатель и почетный член Географического общества, член-корреспондент (1829), почетный член (1855), президент Академии наук (1864–1882).

⁹ П.И. Саломон был женат на сестре Головнина Поликсении Васильевне Головниной (1824–1909).

¹⁰ *Лонгинов Николай Михайлович* (1780–1853), сенатор, с 1840 г. член Государственного совета.

¹¹ *Крылов И. А.* Орел и паук. Басня заканчивается моралью:

Как вам, а мне так кажутся похожи
На таких нередко Пауков
Те, кои без ума и даже без трудов,
Тащатся вверх, держась за хвост вельможи;
А надувают грудь,
Как будто б силою их бог снабдил огромной:
Хоть стоит ветру лишь пахнуть,
Чтоб их унести и с паутиной.

¹² *Перовский Лев Алексеевич* (1792–1856), брат В. А. Перовского, граф, министр внутренних дел (1841–1852), товарищ министра (с 1840), министр уделов и управляющий Кабинетом е. и. в. (с 1852).

¹³ *Пиль* (также *Пил*) *Роберт* (*Sir Robert Peel*, 1788-1850) — британский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1834–1835 и 1841–1846 г.

¹⁴ Л.А. Перовский — побочный сын графа Алексея Кирилловича Разумовского от мещанки Марии Михайловны Соболевской.

¹⁵ Даль Владимир Иванович (1801–1872), врач, этнограф, писатель, лексикограф, составитель сборника «Пословицы русского народа» и «Толкового словаря живого великорусского языка», за который был удостоен Ломоносовской премии и звания почетного академика (1863); писал под псевдонимом «Казак Луганский»; управляющий канцелярией МВД, член-учредитель Географического общества.

¹⁶ *Перовский Василий Алексеевич* (1795–1857), брат Л. А. Перовского, граф, военный губернатор Оренбурга (1833–1842), генерал-губернатор Оренбургской и Самарской губерний (1851–1857).

¹⁷ Хивинский поход 1839–1840гг. — военная экспедиция русских войск с целью покорения Хивинского ханства, препятствовавшего расширению торговых связей России со Средней Азией. В ноябре 1839 г. пятитысячный отряд под командованием В.А.Перовского выступил из Оренбурга на Хиву, но из-за плохой организации в условиях необычно суровой зимы был вынужден летом 1840 г. вернуться в Оренбург, потеряв свыше 3 000 человек от болезней и холода.

¹⁸ Ср. рассказ Головнина о Дале, записанный М. И. Семевским: «Даль, Владимир Иванович, моряк; в Николаев его разжаловали за пасквиль, написанный на Грейга — "Лейку", пасквиль был прибит им к столбу. Меньшиков узнал, за что Далья приговорили в солдаты, вытребовал дело и Далья в Петербург, и Даль бы пощажен. Потом в 1831 г. доктор, строит мост на Висле и спасает корпус Ридигера; с Вас. Алекс. Перовским совершает поход в Хиву; у Льва Алексеевича Перовского, м-ра вн. дел является ожесточенным гонителем раскола. Алопат, потом фанатический гомеопат и пишет статьи в ее защиту, опровергая свои прежние доводы за алопатию. В Москве сын в крупе. Доктор Розенберг пророчит смерть и требует дать алопатических средств. Даль отказывается, дает гомеопатические средства, и к утру ребенок выздоравливает. Им написана брошюра о **скопцах**. Даль советовал всех, без различия, ссылать в Закавказские губернии. Я сказал, что это инквизиция. Он передал Перовскому, и меня уволили. Но брошюру сожгли, а поручено написать Н. И. Надеждину. Когда был представлен им словарь пословиц, то протоиерей **Кочетов** написал донесение, что пословицы не в алфавитном порядке — вызовут дурное влияние: "близ Царя, близ смерти", противу попов, попадьи, религии и проч. Запретили. Я посоветовал Дально подарить один экземпляр рукописный Константину Николаевичу. Рукопись и теперь в библиотеке. В начале царствования Александра II вел. кн. выхлопотал разрешение на напечатание этого замечательного труда. Под конец жизни Даль сделался отчаянным спиритом»: СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 408. Л. 10 11 (Рассказано во время обеда у Н. А. Шторха 10 августа 1874 г. в Павловске). Авторизованная копия «Пословиц русского народа» с авторским посвящением вел. кн. Константину Николаевичу хранится в ОР ИРЛИ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 178, 179. Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1–2.

¹⁹ *Константин Николаевич* (1827–1892), великий князь, второй сын Николая I, генерал-адмирал, занимал ключевые посты в Главном комитете по подготовке крестьянской реформы, Морском министерстве, в 1862–1863 гг. наместник Царства Польского, впоследствии председатель Государственного совета. За свою энергию и одновременно пылкость и

несдержанность его прозвали «паровиком». Эта меткая характеристика одновременно напоминала о том, что именно ему Россия была обязана заменой парусного флота паровым. Константин Николаевич был главой либералов, в обществе слыл «свирепым славянином», и его сторонников часто называли «константиновцами». Конец александровской эпохи привел к отстранению Константина Николаевича от всех должностей, и последние годы своей жизни он жил как частный человек.

Среди его знакомых было много известных писателей, ученых, музыкантов. Даже ведомственное издание «Морской сборник» превратилось при нем в один из самых известных журналов, где печатали свои произведения А. Н. Островский, Д. В. Григорович, В. И. Даль и И. А. Гончаров.

²⁰ *Меньшиков Александр Сергеевич* (1787–1869), светлейший князь, адмирал, командующий Черноморским флотом и сухопутными войсками в Крыму (1853–1855); морской министр (1836–1855), генерал-губернатор Финляндии (1831–1854).

²¹ Сохранился отзыв Головнина о Меньшикове: «Кн. А. С. Меньшикова я знал с 1839 г. Он меня пригласил приходить к нему обедать и пить чай запросто. Это человек был с замечательной способностью анализа и критики. Разобрать, разбить, унижить, разрушить — это был герой. Но полное отсутствие синтеза — обобщить, создать, сделать вывод, на чем-нибудь решительно остановиться, было для него невозможно. Та же ирония была, так сказать, обращена на него самого; он сам с насмешкою относился к своим планам. Назначение его в Крым объясняется именно тем, что император Николай не заметил в нем этой способности. Видя и слыша, что он мастерски разбирает и критикует действия других, Государь пришел к заключению, что такой человек лучше всякого другого сумеет распорядиться. Как начальник это был, прямо сказать, — вредный человек. Никто разительнее его не уничтожал в подчиненных всякую энергию. Пылкий рассказ молодого морехода встречал в морском министре холодную, презрительную насмешку. Похвала какому-нибудь бравому командиру судна вызывала с его стороны рассказ самого пасквильного анекдота. Являлся к нему с докладом: моряк, артиллерист, инженер... представляют ему проекты, объясняют с жаром, с готовностью выслушать всякий дельный совет и воспользоваться им для усовершенствования дела, а князь все выслушает и беспощадною ирониею окатит, как холодной водою, прожектера»: СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 408. Л. 4 об. 5 (Записано 29 июля 1873 г. после визита на дачу Головнина в Царском Селе).

На обеде у Н. А. Шторха 10 августа 1874 г. в Павловске Головнин рассказал следующий эпизод, также записанный Семевским: «Характеристика кн. А. С. Меньшикова: необыкновенная способность к анализу, к критике; отсюда неспособность к творчеству; в представлениях своих указывал возможность исхода и в ту, и в другую сторону фактов; отсюда неумение прийти к положительному выводу. А.В. Головнин часто представлял ему доклады. Вполне одобрит; полежит у него проект ночь: "Я нашел слово переправить, я много раз перечитывал".

Утро. К 9 часу являешься к нему: пред ним целая лаборатория — толкут, мелют и варят кофе. Учит, как писать всепод[данейшие] доклады. Во всем докладе наиболее нужные строки подчеркнуты красною чертою, менее важные синие, а вовсе неважные — не подчеркнуты. Если совсем свободен или желает Государь познакомиться со всем делом, то прочитывает целиком.

У Меньшикова был портфель или папка со множеством мешков. В одном — бумаги, которые можно оставить у Государя без боязни; в другом — которые требуют личных объяснений; в третьем — особенно неприятные, о наградах, надо выпросить большую милость и т.п. Каждая серия в особой папке, иначе может случиться, что Государь возьмет всю папку со всеми подразделениями. Меньшиков во всех донесениях никогда не лгал. Он писал и говорил полнейшую правду»: Там же. Л. 10 10 об.

²² А.С. Меньшиков был известен своим язвительным остроумием и чудачествами. Его остроты вошли в сборники анекдотов. Так, когда вместо уволенного в начале 1850 г. «министра народного просвещения графа Уварова назначен был министром бывший его товарищ князь Ширинский-Шихматов, а на его определен А. С. Норов, безногий. Ни новый министр, ни товарищ его не славились большим умом и сведениями по предмету просвещения. Князь Меньшиков, узнав об этом назначении, сказал: — И прежде просвещение тащилось у нас, как ленивая лошадь, но все-таки было на четырех ногах, а теперь стало на трех, да и то с норовом»: Исторические рассказы и анекдоты из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий. СПб., 1885. С. 250–251.

²³ «Самый близкий, самый доверенный из советников великого князя, — писал Долгоруков, — Александр Васильевич Головнин, нынешний министр народного просвещения, истинный глава и предводитель константиновцев. Александр Васильевич — человек ума необыкновенного, большой начитанности, отличный администратор, трудолюбив и деятелен в высшей степени; обладает вполне даром, в России редким, уметь распоряжаться своим временем, а потому за всем успевает следить, ничто от не него не ускользает. Сверх того, он обладает еще способностью, редкою везде, заниматься в одно и то же время разными предметами — и заниматься успешно. Высокочестный и бескорыстный, в отношении к деньгам и вообще к материальной обстановке жизни, он на поприще придворном чрезвычайно хитер; под видом простоты и бесцеремонности отменно ловок, превосходно знает сердце человеческое и все изгибы его: умеет искуснейшим образом запустить руку в самые сокровенные из этих изгибов; а потому мастер управлять людьми и доводить их до своих целей. Властолюбие его не знает пределов; он хочет непременно повелевать всеми и везде, и как часто случается с людьми умными, самолюбие обольщает его, тайным голосом нашептывая: "ты столь умен: к чему же русским конституция, когда власть находится у тебя в руках? Ведь ты для них — лучшая конституция"»: *Долгоруков П. В.*, 1934. С. 383–384.

²⁴ Литейный пр., д. 27 Доходный дом Брока.

²⁵ Ср. отзыв П.В. Долгорукова: «Главный советник и руководитель великокняжеский, А. В. Головнин, не занимался еще в то время, как ныне, отыскиванием в литературе, и внутренней и заграничной, подлецов и подкупом их; он в то время еще не употреблял всех сил своего ума на то, чтобы ловить мерзавцев на золотую удочку. Он тогда старался, напротив, отыскивать людей способных и честных и привлекать их на службу в морское министерство, в коем, благодаря этому благородному образу действий, было, сравнительно с прочими ведомствами, гораздо менее кражи и обнаруживалась некоторая степень честности, в прочих министерствах неизвестная. В Крыму. Когда солдатам выдавалась гнилая провизия, моряки получали свежие припасы и рацион водки; морские госпитали не нуждались ни в чем в то самое время, как в госпиталях сухопутного ведомства раненые и больные были буквально грабимы чиновниками»: *Долгоруков П. В.*, 1934. С. 174.

²⁶ *Александра Иосифовна* (1830–1911), великая княгиня, рожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, жена вел. кн. Константина Николаевича.

²⁷ Подтверждение этому дает П. В. Долгоруков: «Из всех близких к Константину Николаевичу — самый умный, самый предприимчивый, самый энергичный, одним словом, самый способный человек — Александр Васильевич Головнин, и его-то Александра Иосифовна более всех ненавидит. Великому князю часто приходится испытывать то дружеские супружеские бури, то супружеское упрямство»: *Долгоруков П. В.*, 1934. С. 116.

²⁸ *Милютин Николай Алексеевич* (1881–1872), один из лидеров либеральной бюрократии, товарищ министра внутренних дел (1859–1861), статс-секретарь по делам Царства Польского (1864–1866). По словам Феоктистова, Н.А. Милютин «находился в очень хороших отношениях к Головнину; по некоторым вопросам — преимущественно по крестьянскому — он был с ним одинакового образа мыслей и признавал за ним в этом отношении значительные заслуги; и, тем не менее, Милютин постоянно отзывался о нем, как о дюжинной посредственности; в интимном своем кружке он называл его не иначе как "государственным прыщом"; ему казались смешными притязания Александра Васильевича разыгрывать роль глубокомысленного государственного человека; по рассказу его Головнин давно уже обнаруживал неистовое желание занять видный пост, и однажды Милютин заметил ему, что при его трудолюбии и аккуратности должность государственного секретаря (в Государственном совете) была бы наиболее для него пригодной. Головнин обиделся, что показалось Милютину очень странным, ибо ему не приходило в голову, чтобы он имел право метить куда-нибудь дальше. Не трудно было однако убедиться, что честолюбие его не имело пределов и что для удовлетворения этого честолюбия он готов был прибегать ко всевозможным интригам»: *Феоктистов Е. М.*, 1929. С. 129–130.

²⁹ *Киселев Павел Дмитриевич* (1788–1872), граф, генерал от инфантерии, постоянный член всех секретных комитетов по крестьянскому делу (с 1835), министр государственных имуществ (1838–1856), чрезвычайный и полномочный посол во Франции (1856–1862). Автор «Записок» (Париж, 1883).

³⁰ Головнин даже когда жил в Павловске, не сидел без дела. В 1873 г. он вспоминал: «Архив в Павловске я разобрал в пятидесятых годах (около 1852), нашел в нем большое собрание

писем Екатерины II и тогда же просил вел. кн. Конст[антина] Николаевича: 1) не говорить об них и вообще об архиве отцу, из опасения, что Государь прикажет осмотреть дворцы и отобрать исторические рукописи и документы; 2) снять копию и иметь ее в Конст[антиновском] дворце в С.-Петербурге, в виду возможности пожара и т.п. Великий князь призвал к себе статс-секретаря Александра Комовского, состоявшего при Меншикове, и просил его в виде личного ему одолжения непременно снять копии со всех писем Екатерины II. У него отличный был почерк, и он человек был весьма аккуратный. Копия снята. Многие годы спустя, в 1865 г. — зашла речь об этих письмах за столом у в. кн. Конст[антина] Николаевича, при кн. П. А. Вяземском; он выпросил копию прочесть и затем передал ее напечатать в “Сборник Русского исторического общества”, и прекрасно сделал.

Павловск — майорат, по завещанию Марии Федоровны в мужском роде старшего брата царствующего Государя. Вместо отпущавшихся денег к нему приписано 51 т. д. крестьян. Владельцы Павловска не имеют права расходовать где бы то ни было доходов Павловска, кроме как в нем самом, и доходы преимущественно обращать на улучшение Павловска. Все, что в нем есть, должно быть свято сохранено в том виде, как было при мари Федоровне. Сделаны, однако, уже отступления: близ дворца был в саду деревянный театр. В тридцатых годах (1839?) я в нем еще бывал и видел там Дюра и Асенкову. Помню даже, где сидел. Театр был очень ветх; возобновление его требовало больших затрат; его обратили в сарай для хранения материалов, а потом, хотя и с величайшим сожалением, но сломали.

Дворец, по-видимому, обставлен роскошно, но во многих комнатах нет двойных рам.

В **пятидесятых** годах я жил там: в моей гостиной не было двойных рам, а был маленький мраморный камин. Жил я до ноября! Стужа жестокая! Спрашивал я кн. Алексея Федоровича Орлова: как вы дежурили при Павле I, — дежурная комната была, где приходилась моя гостиная.

— Камин топился день и ночь; на столе перед камином грелся пунш. Тело согревали перед камином, вовнутрь вливаешь пунш»: СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 408. Л. 3 об. 4 (Рассказ Головина записан М. И. Семевским 29 июля 1873 г. в Царском Селе).

³¹ Трагедия Вольтера «Фанатизм, или Пророк Магомет».

³² *Сперанский Михаил Михайлович* (1772–1839), статс-секретарь императора Александра I (с 1807), член Комиссии составления законов, товарищ министра юстиции (с 1808). Автор нескольких проектов государственных реформ, но ему удалось осуществить лишь небольшую их часть. Деятельность Сперанского вызвала недовольство в кругах высшей бюрократии, он был сослан сначала в Нижний Новгород, а потом в Пермь; пензенский губернатор (с 1816), генерал-губернатор Сибири (с 1819). В 1821 г. возвращен в Петербург, фактически возглавил II отделение Собственной е. и. в. канцелярии, осуществлявшее кодификацию законов (с 1826); под его руководством были составлены Полное собрание законов Российской империи в 45 томах (1830), Свод законов Российской империи в 15 томах (1832) и др.

³³ *Врангель Фердинанд Петрович* (1796–1870), барон, адмирал, генерал-адъютант, участник кругосветного путешествия на шлюпе «Камчатка» (1817–1819), начальник экспедиции для исследования северных берегов Восточной Сибири (1820–1824); его именем назван один из островов Северного Ледовитого океана — Земля Врангеля. Главный правитель североамериканских колоний (1829–1835), управляющий Морским министерством (1855–1857), член Государственного совета и Комитета министров (с 1855), один из учредителей Имп. Русского географического общества, почетный член Академии наук с 1855 г., член Парижской Академии.

³⁴ *Толстой Дмитрий Андреевич*, граф (1823–1889), обер-прокурор Св. Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889), президент Академии наук (1882–1889).

³⁵ *Грейг Самуил Алексеевич* (1827–1887), товарищ министра финансов (1866), государственный контролер (1874), министр финансов (1878–1880).

³⁶ Ср. характеристику, данную Д.А. Толстому Б. Н. Чичериным: «Он был создан для того, чтобы служить орудием реакции, человек не глупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный, не выдавший ничего, кроме петербургских сфер, ненавидящий всякое независимое движение, всякое явление свободы, при этом лишенный всех нравственных побуждений, лживый, алчный, злой, мстительный, коварный, готовый на все для достижения личных целей, а вместе доводящий раболепство и угодничество до тех крайних пределов, которые обыкновенно нравятся царям, но во всех порядочных людях возбуждают омерзение»: *Чичерин Б.Н.*, 1929. С. 192–193.

³⁷ *Воейков Алексей Алексеевич* (1820–1881), лицейский товарищ Головнина и Рейтерна, служил в Министерстве юстиции.

³⁸ *Кобеко Дмитрий Фомич* (1837–1918), государственный деятель, историк, библиограф, член-корреспондент Академии наук с 1890 г. По окончании Александровского лицея в 1856 г. поступил на службу в Канцелярию министра финансов, в 1865–1879 управляющий Канцелярией; в 1879–1887 и 1892–1901 член Совета министра финансов. В 1902–1918 гг. директор Публичной библиотеки. Ср. отзыв о нем С.Ю. Витте: «Этот Кобеко вообще был человек выдающийся; он был не чужд литературе и вообще научных исследований. Так, например, он написал довольно интересную книгу об Императоре Павле. Кончил курс он в лицее и, будучи совсем молодым человеком, он был директором канцелярии еще у министра финансов графа Рейтерна. При графе Рейтерне Кобеко играл выдающуюся роль, так как вообще он был человек очень способный. Кобеко сразу сделал бы большую карьеру, если бы с ним не произошел следующий неприятный случай: Дмитрий Фомич Кобеко, имея очень некрасивую жену, спутался как-то с одной француженкой, которая имела модный магазин, и вот эта француженка, воспользовавшись доверием Кобеко, впуталась в какое-то финансовое дело, сделала какую-то некорректность, которая и пала на Дмитрия Фомича Кобеко. Вследствие этого Кобеко должен был оставить должность директора канцелярии министра финансов, место, которое в особенности в то время было довольно влиятельное. С тех пор Кобеко в министерстве финансов был в загоне [...] После того как я занял пост министра финансов, я сделал Дмитрия Фомича Кобеко членом совета министра финансов и директором правления "Русского общества пароходства и торговли". Затем, через несколько лет после смерти императора Александра III, я ходатайствовал, чтобы Кобеко был сделан членом Государственного совета. Император Николай выразил сомнение в том смысле, что до него дошли сведения, что Кобеко был замешан в какой-то некрасивой истории с француженкой, о чем я уже рассказывал. Я тогда разъяснил государю, что Кобеко здесь просто попался, что вина его, в сущности, очень незначительная — простая неосторожность молодого человека; то же самое подтвердил государю и бывший в то время министр внутренних дел. В конце концов государь император согласился, и Кобеко был назначен членом Государственного совета»: Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 313.

³⁹ *Мелихов Василий Иванович* (1788–1863), адмирал, член Государственного совета, председатель морского генерал-аудиториата.

⁴⁰ *Нессельроде Карл Васильевич* (1780–1862), статс-секретарь, управляющий Министерством иностранных дел (1812–1816), министр иностранных дел (1816–1856), вице-канцлер (1828), государственный канцлер (1845).

⁴¹ *Княжевич Александр Максимович* (1792–1872), сын сербского уроженца, директор департамента государственного казначейства (1844–1854), сенатор (1854), министр финансов (1858–1862), член Государственного совета (1862). Ср. характеристику, данную ему П. В. Долгоруковым в 1861 г.: «Александр Максимович Княжевич — человек добрый, опытный, весьма неглупый, тонкий и хитрый, но в настоящее переходное и важное для России время всего этого еще весьма недостаточно, чтоб быть министром финансов»: *Долгоруков П. В.*, 1934. С. 331.

⁴² Грот Константин Карлович (1815–1897), самарский губернатор (1853–1861), позже директор департамента неокладных сборов (1861–1869), ввел акцизную систему питейных сборов вместо откупов; брат академика Я. К. Грота.

⁴³ Ср. рассказ об этом эпизоде П. В. Долгорукова: «В первые дни 1862 года пост министра финансов был занят Александром Княжевичем, стариком почти 70-летним, человеком, происходившим из сербской семьи, которая около ста лет, как переселилась в Россию. Бюрократ, отнюдь не лишенный ума, тонкий и хитрый, как все русские бюрократы, хорошо владеющий канцелярской рутинной, он вырос и преуспел при режиме старых злоупотреблений. Призванный на государственное поприще в новую эпоху, он воспринял ее язык и внешние формы, оставаясь в глубине души прежним старым чиновником. Император Николай с его исключительным талантом всегда открывать и возвышать ничтожества, поручил финансы Броку, который был совершенно лишен самых начальных познаний в финансовых науках [...] В 1858 г. сочли проявление высшей меры искусной политики в том, что Брока заменили Княжевичем, за которым была долголетняя рутинная канцелярия Министерства финансов. Дела не пошли от этого лучше: падение министра ускорило влияние его двух племянников, Макса и Антонина. Ничего не делалось в министерстве без вмешательства, всегда сопряженного с злоупотреблениями, этих двух господ, особенно первого. Наконец, капля переполнила сосуд. Дело шло о составлении списка лиц, которых

предполагалось назначить в разные губернии для руководства новой администрацией, установленной с 1 января 1863 г. для наблюдения за винными заводами и за продажей водки. Это были должности в высшей степени доходные, число кандидатов было громадное. Новый директор акцизного департамента, Константин Грот, человек очень просвещенный и бескорыстный, пользовавшийся покровительством великого князя Константина, составил, по соглашению с министром, список новых чиновников. Максимилиан и Антонин Дмитриевичи Княжевичи захотели по причинам, известным им и, может быть, их дяде, внести в список некоторых из своих протеже; они настояли на своем, и дядя их имел слабость согласиться. Грот рассердился и подал в отставку; император стал на его сторону; Княжевич должен был подать в отставку; на нее согласились так, как всегда соглашались на отставку министра в России: под предлогом расстроенного состояния здоровья, с предоставлением места в Государственном Совете в качестве медицинского лечения и ежегодной пенсии в 12 000 руб (48 000 франко), очевидно, на покупку лекарств»: *Долгоруков П. В.*, 1934 С. 425–426.

⁴⁴ *Ламанский Евгений Иванович* (1825–1902), финансист и государственный деятель, при учреждении Государственного банка был назначен товарищем управляющего (1860), позднее управляющим банка. Способствовал основанию в Петербурге первого общества взаимного кредита (1863); принимал участие в работах комиссий по освобождению крестьян и в учреждении Литературного фонда; брат академика В. И. Ламанского.

⁴⁵ В связи с польским восстанием и осложнившейся международной обстановкой ухудшился торговый баланс России; что повысило спрос на золото и серебро. Несмотря на заявления официальных экономистов, что «скорее неостанется у публики кредитных билетов, чем золота в разменной кассе», в августе 1863 г. пришлось прекратить размен на золото, однако и это не помогло. В ноябре 1863 г. Государственный банк объявил о полном прекращении размена. Эта мера повлекла за собой катастрофическое падение курса рубля и взволновала всю Россию. В деловых кругах началась страшная суматоха, ходили упорные слухи об увольнении Рейтерна.

⁴⁶ Имеется в виду *Ламанский Порфирий Иванович* (1824–1875), чиновник департамента внешней торговли, впоследствии — Министерства путей сообщения.

⁴⁷ «Панама», «панамский канал», жульническая афера, связанная со злоупотреблениями «Всеобщей компании межокееанского канала», созданной во Франции в 1879 г. для организации работ по прорытию Панамского канала. Акции компании приобрело свыше 800 тыс. человек. Крах компании, не рассчитавшей затраты, вызвал разорение десятков тысяч акционеров. В ходе судебного разбирательства дела в 1889–93 гг. выяснилось, что компания, попав в трудное финансовое положение, занималась систематическим подкупом влиятельных лиц. Однако почти все официальные лица, замешанные в скандале, избежали наказания. Термин «Панама» стал нарицательным для обозначения крупного мошенничества и афер.

⁴⁸ *Буняковский Виктор Яковлевич* (1804–1889), математик, основные направления его трудов — теория чисел и теория вероятностей, отдельные вопросы анализа. В работе «Основания математической теории вероятностей» (1846 г.) Буняковский дал оригинальное изложение теории вероятностей и ее приложения к страхованию и демографии; ряд других его работ посвящен статистике народонаселения, подсчету вероятного контингента русской армии и т. д. С 1858 г. он состоял главным экспертом правительства по вопросам статистики и страхования.

⁴⁹ М.Х. Рейтерн был автором ряда работ по экономическим вопросам: *Рейтерн М.Х.* 1) Денежное счетоводство французского морского ведомства // *Морской сборник*. 1859. № 1. С. 1–49; 2) Счетоводство прусского морского ведомства // Там же. 1859. № 3. С. 149–162; 3) Влияние экономического характера народа на образование капиталов // Там же. 1860. № 5. С. 55–72; 4) Докладные записки о финансовом положении России, представленные великому князю Константину Николаевичу // *Река времен*. М., 1996. Кн. 5. С. 174–198. См. также: *Чернуха В.Г.* Программная записка министра финансов М.Х. Рейтерна (сентябрь 1866 г.) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1978. Т. X. С. 269–284.

⁵⁰ *Заблоцкий-Десятковский Андрей Парфенович* (1807–1881), экономист, чиновник Министерства государственных имуществ, участник работ по подготовке крестьянской реформы, В 1859 г. назначен статс-секретарем в департамент законов Государственного совета).

⁵¹ *Кrabbe Николай Карлович* (1814–1876), генерал-адъютант, контр-адмирал, управляющий Морским министерством (1860–1876). По отзыву П. В. Долгорукова, «адмирал Краббе – моряк в цвете лет, хороший администратор, человек честный. Его политические убеждения (если они у него есть) неизвестны, но, надо полагать, что, обязанный карьерой и министерским портфелем

великому князю Константину, он пойдет по политической стезе, проложенной его высочеством»: *Долгоруков П. В.*, 1934. С. 403.

⁵² Остров Цитера, или Кифера, был центром культа Афродиты со знаменитым святилищем богини.

⁵³ *Оболенский Дмитрий Александрович* (1822–1881), князь, один из ближайших сотрудников вел. кн. Константина Николаевича, директор комиссариатского департамента Морского министерства (1853–1857), статс-секретарь (1858), директор департамента таможенных сборов (1863), впоследствии член Государственного совета. П. В. Долгоруков характеризовал его как «человека ничтожного, усердного царедворца, обладающего особым рода ловкостью, которая часто соединяется... с узостью ума и заключается в умении прокрадываться в милость нужных ему людей. Хотя и Рюрикович по происхождению, он одарен смешным свойством, которое обычно бывает уделом плохо воспитанных выскочек — быть очень раболепным в отношении людей, которые могут ему быть полезны, и невежей в отношении всех других»: *Долгоруков П. В.*, 1934. С. 378–379.

⁵⁴ *Глебов Павел Николаевич* (ум. 1876), генерал-аудитор флота, один из сотрудников вел. кн. Константина Николаевича, автор проекта о морском судостроительстве и судопроизводстве, потом член Главного военно-морского суда.

⁵⁵ Феоктистов слышал от обоих братьев Милютиных, что «Головнин уговаривал великого князя Константина Николаевича не ездить в Польшу, и это вовсе не потому, чтобы не одобрял он политику уступок полякам, которую вознамерились у нас испробовать в самых широких размерах. Такая политика вполне согласовалась с его взглядами, но он опасался, что отъездом великого князя воспользуются многочисленные враги, которых он нажил себе по крестьянскому вопросу. Если бы поколеблено было положение Константина Николаевича, то не удержался бы и его фаворит. В этом отношении Головнин оказался замечательно дальновидным»: *Феоктистов Е. М.*, 1929. С. 137.

⁵⁶ «Головнин отказался жить в роскошном большом дворце, предназначенном для министра народного просвещения; он удовольствовался скромной квартирой и настоял у государя на открытии новой гимназии в министерском дворце»: *Долгоруков П. В.*, 1934. С. 385.

⁵⁷ *Адлерберг Александр Владимирович* (1818–1888), граф, генерал от инфантерии (с 1869 г.), министр двор (1870–1881), друг и доверенный советник императора Александра II.

⁵⁸ *Баранов Эдуард Трофимович* (1811–1884), граф, генерал от инфантерии (с 1869), виленский, ковенский, гродненский и минский генерал-губернатор (с 1866), член Государственного совета (с 1868), председатель Департамента экономии Государственного совета (с 1881), председатель Комитета финансов (с 1882).

⁵⁹ В ночь с 22 на 23 января 1863 г. началось Польское восстание. Стоявший во главе тайной организации, подготовившей восстание, Центральный национальный комитет объявил себя Временным национальным правительством и издал манифест и аграрные декреты, провозгласившие крестьян собственниками их наделов. В феврале–августе 1863 г. восстание достигло наивысшего подъема, оно охватило Царство Польское, Литву и частично Белоруссию и Правобережную Украину. Назначенный в мае 1863 г. генерал-губернатором Литвы и Белоруссии М. Н. Муравьев развернул террор против повстанцев и к маю 1864 г. восстание было подавлено. Его результатом стала крестьянская реформа 1864 в Царстве Польском.

⁶⁰ Ср. Письмо директора Императорского Александровского Лицея Ф. Ф. Врангеля К. С. Веселовскому от 28 февраля 1893 г.: «Милостивый Государь Константин Степанович!

В связи с нашим последним разговором я позволяю себе передать Вашему Высокопревосходительству выписку из "воспоминаний" покойного отца моего. Слова человека, близко стоявшего к делу и проникательный ум которого служит залогом правильности суждения, подтверждают Ваши замечания о намерениях группы "Константиновцев", руководителем которых был Александр Васильевич Головнин. Мне казалась, что эта выписка могла бы представлять некоторый интерес для его биографа»: Письмо директора Императорского Александровского Лицея Ф. Ф. Врангеля К. С. Веселовскому от 28 февраля 1893 г.: СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 43. Л. 7–7 об.

И ответ К.С. Веселовского Ф.Ф. Врангелю:

«Ваше Превосход. меня несказанно порадовали и обязали самой искренней признательности — сообщением выписки из воспоминаний Вашего покойного родителя. Свидетельство человека, отличавшегося глубоким государственным умом, особенно для меня

драгоценна. Начертанные им слова проникнуты высоким нравственным чувством, я принял так, как бы ими Фердинанд Петров. из гроба своего ободряет меня продолжить предпринятый мной труд в том духе и как я его задумал. Записки свои я пишу для потомства, т.е. так, что они не могут быть изданы при моей жизни, и если будут когда-нибудь изданы, то разве много лет после моей смерти, когда пройдет *longum aevi spatium*. Этим я хочу сказать, что я пишу с полной откровенностью, заботясь единственно о том, чтобы изображение лиц и дел, до которых касается мой рассказ, было правдиво и согласно с истиной»: СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 43. Л. 11. Письмо К. С. Веселовского Ф. Ф. Врангелю. Б/д. Черновик.

⁶¹ «Его считают человеком очень умным и коварным, — писал Чичерин при известии о назначении Головнина министром, — а, по-моему, он человек честный и небольшого ума, усидчивый и трудолюбивый, упорный, но до крайности узкий и педант»: *Чичерин Б.Н.*, 1929. С. 55.

⁶² Ср. отзыв Феоктистова: «Способен был он работать с утра до ночи без отдыха; почти никогда нельзя было застать его без занятий; подчиненным своим не давал покоя, предлагал им разработать тот или другой вопрос, требуя от них сведений, объяснений и т.д.; видно было, что проекты самые разнообразные сменялись в его голове, как в калейдоскопе, с изумительной быстротой. В течение четырехлетнего своего управления министерством ничего не оставил он в прежнем виде, перевернул всю нашу учебную систему. Но ничего основательного и полезного создать он не мог. Почему? Находилось не мало людей, которые утверждали, будто с сатанинской злобой старался он сеять в ней семена всякого зла. Это мнение о нем особенно укоренилось в разгар Польского мятежа. В конце 1864 года приехал в Петербург М.Н. Катков. При первом же моем свидании с ним он стал доказывать, что самому великому князю Константину Николаевичу не пришло бы в голову разыграть ту постыдную роль, которую он запятнал свое имя в Варшаве, что всему виной злой демон, его руководитель, что Головнин отуманил его пошлым либерализмом, а за спиной его сносятся с Пальмерстоном, Маццини, со всеми нашими врагами и коноводами Европейской революции. Все это казалось мне не более как шуткой. «Боже мой», заметил я, смеясь, «какие грандиозные замыслы приписываете вы Александру Васильевичу...» — «Чему вы смеетесь?» — воскликнул Катков; — «я вовсе не шучу, а твердо убежден, что Головнин находится в ближайших сношениях с иностранными революционерами». Оказалось, что он действительно не шутил. Одна из отличительных черт Михаила Никифоровича заключалась в том, что всякую деятельность, шедшую явно вразрез с интересами России, он не хотел объяснять легкомыслием, недальновидностью, сумбуром, который господствовал у нас в умах; он не допускал мысли, чтобы люди шли по ложному пути только потому, что не понимали, где находится настоящий путь; для него самого истина была так ясна и очевидна, что — казалось ему — только со злым умыслом можно было закрывать на нее глаза. Именно с такой точки зрения смотрел он на Головнина, и мало-помалу жалкая фигура Александра Васильевича начала рисоваться пред его взорами в чудовищных формах; в негодовании своем приписывал он ему такие свойства, каких у того не было и в помине — и ум необычайно проницательный, и непоколебимую твердость воли, и умение приобретать безграничное влияние на людей: только се это было направлено на зло, всем этим пользовался Головнин на погибель России. Целью этого Мефистофеля было будто бы довести страну до коренного переворота, чтобы посадить в к. Константина Николаевича на престол и самому управлять от его имени. Предполагать в нем такие замыслы значило делать ему слишком много чести. Я не был близок к Головнину, но все-таки имел возможность достаточно узнать его, и мне всегда казалось, что был человек ума весьма ограниченного. Он представлял собой одну из самых видных жертв той смуты, которая воцарилась у нас после Крымской войны. Он уверовал, что спасение России заключается в широком развитии либеральных учреждений, что ей следует идти быстрыми шагами по пути какого-то неясного для него самого прогресса и как можно скорее и решительнее порвать связи с прошлым. И многие другие увлеклись такими же идеями, но, приступив к делу, сознав ответственность, лежавшую на них, наученные, наконец, опытом, они постепенно убедились в несостоятельности своих увлечений. Для примера можно указать на Н.А. Милютину, который в позднейший период своей деятельности был уже вовсе не таким, каким знали его вначале. Но для Головнина подобная перемена по самому своему свойству его ума, узкого и теоретического, была невозможна. Усвоив себе раз известные идеи, он не был в состоянии проверить, в какой мере соответствуют они действительным потребностям общества, — этому препятствовала и его недальновидность и неумение его разбирать между голосами, доносившимися до него, то, что

было разумно и что пропитано ложью. Я не сомневаюсь, что Головнин искренно преклонялся перед теориями, процветавшими у нас в шестидесятых годах, хотя, с другой стороны, к этому примешивался и расчет: теории эти имели большой успех в среде нашей жалкой интеллигенции, а ему очень хотелось заручиться ее расположением. Он был выдвинут вперед великим князем Константином Николаевичем, но помимо этой опоры домогался еще другой и думал найти эту опору в тогдашнем настроении так называемого «общественного мнения».

Он приступил к управлению Министерством народного просвещения, не имея никаких надлежащих для того сведений. Но это несколько его не смущало. Он не сомневался, что обладает талисманом для устранения всех препятствий и недоразумений на своем пути, что ему удастся поставить учебное дело на такую высоту, на какой оно никогда у нас не стояло. Если никто учиться не хотел, если во всех учебных заведениях господствовал хаос, если профессора университетов сбивали с толку студентов, а студенты устраивали уличные демонстрации и правительство выводило войска для их усмирения, то, по мнению Головнина, для всего этого была весьма законная причина, а именно недовольство каким-то мнимым гнетом. Стоило лишь выставить знамя либерализма, и либерализм этот послужит панацеей от всяких зол. *Феоктистов Е. М.*, 1929. С. 130–132.

⁶³ *Гладстон Уильям Юарт* (Gladstone William Ewart, 1809–1898), британский государственный деятель, четырежды был премьер-министром Великобритании, его деятельность отражала основные позиции классического либерализма, проведенные им реформы способствовали демократизации английского общества. Гладстон определил либерализм как «доверие к народу, приправленное благоразумием», а консерватизм как «недоверие к народу, приправленное страхом» (Liberalism is trust of the people, tempered by prudence; Conservatism, distrust of the people, tempered by fear).

⁶⁴ По словам самого Головнина, записанным М. И. Семевским, когда он был назначен министром народного просвещения, «Государь предложил ему ежедневно личный доклад, но он отклонил это, имея в виду, что лучше каждый раз испрашивать день, тогда вернее, что Государь будет в духе. Второе: он предлагал написать рескрипт на его имя, выражая, что он возьмет под особое свое покровительство и заботу Министерство народного просвещения. Это советовал ему Ростовцев; но Головнин и это отсоветовал, говоря, что более заботы этому министерству против Министерства юстиции или военного он не может дать, так как и те министерства одинаково важны»: СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 408. Л. 12–12 об. (Рассказано во время обеда у Н.А. Шторха 10 августа 1874 г. в Павловске).

⁶⁵ По поводу своего назначения Головнин писал: «Положение нового министра становилось еще труднее вследствие обстоятельств лично его касающихся. Не имея знатной и влиятельной родни, богатства, связей при дворе, будучи притом известен как человек близкий и преданный великого князя Константина Николаевича, ненавистному весьма многими за его превосходство ума, многосторонние познания, либеральное направление и особенно за участие в освобождении крестьян, будучи сам заподозрен многими в каких-то вредных реформаторских стремлениях и крайних либеральных воззрениях, Головнин был встречен в высших правительственных сферах большими недоверием и недоброжелательством. На его назначение смотрели вообще как на временную прискорбную уступку либеральному направлению и как на следствие преобладающего влияния великого князя Константина Николаевича, влияния, которое всячески желали разрушить»: *Головнин А. В.*, 2004. С. 215.

⁶⁶ *Путятин Ефим (Евфимий) Васильевич* (1803–1883), государственный деятель, мореплаватель и дипломат, граф (1855), адмирал (1858). В июне–декабре 1861 г. министр народного просвещения; после студенческих волнений подал в отставку. Педагогические убеждения Путятина сводились к тому, что «дите надобно учить так, чтоб его *рвало, тошило* от ученья».

⁶⁷ *Муравьев Михаил Николаевич* (1796–1866), граф генерал от инфантерии, министр государственных имуществ (1857–1862), виленский генерал-губернатор (1863–1865); в молодости член Союза Спасения и Союза Благоденствия, впоследствии ярый реакционер, прославившийся свирепым подавлением польского восстания в Северо-западном крае, за что получил прозвание «вешателя».

⁶⁸ *Зеленой Александр Алексеевич* (1819–1880), товарищ министра (1859–1862), министр государственных имуществ (1862–1872), генерал-адъютант (1863), член Государственного совета. По отзыву П. В. Долгорукова, «Зеленый — человек умный и хитрый, но вся его хитрость не может

скрыть в нем бюрократа и врага либеральных идей [...] Милость и доверие Мих. Муравьева являются несмываемым политическим пятном, от которого Зеленый никогда не очистится»: *Долгоруков П. В.*, 1934. С. 402.

⁶⁹ *Бэр Карл Максимович* (1792–1876), естествоиспытатель, один из основателей эмбриологии; ординарный академик по зоологии с 1828 г., иностранный почетный член с 1830 г., вторично избран в ординарные академики в 1834 г., с 1862 г. почетный член; член-учредитель Имп. Русского географического общества.

⁷⁰ *Цез Василий Андреевич* (1820–1906), председатель Петербургского цензурного комитета (1862), сенатор (с 1863).

⁷¹ *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887), литературный критик и поэт-переводчик; в 1845–1851 гг. адъюнкт-профессор Московского университета по кафедре философии; впоследствии редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей»; влиятельный публицист консервативного лагеря. По словам Феокистова, «у него был целый сонм пламенных приверженцев, которые чуть не клялись его именем, и множество исступленных врагов, которым хотелось бы стереть его с лица земли. Правительство боялось его и вместе с тем заискивало в нем. Несмотря ни на какие препятствия он смело шел вперед и тщетно тупоумная цензура пыталась остановить его “Московские ведомости” читались нарасхват, имя его гремело во всей России, едва ли кто после Пушкина пользовался такой славой»: *Феокистов Е. М.*, 1929. С. 137.

⁷² Ср. рассказ Долгорукова о том, что вскоре после своего назначения Головнин «сделал визиты видным петербургским журналистам и просил их поддержать его словом и советом»: *Долгоруков П. В.*, 1934. С. 385.

По словам П.М. Ковалевского, Головнин «с литераторами вошел — с кем нельзя было иначе, — в приятельские отношения, а с кем можно — и в денежные в форме командировок, субсидий и поощрений»: *Ковалевский П. М.*, 1909. С. 311.

Мысли Головнина о свободе печати получили выражение не только в частных беседах с литераторами, но и в печатном «Всепоподданнейшем докладе министра народного просвещения по проекту устава о книгопечатании, читанном в Совете министров 10.01.1863» (СПб., 1863. С. 4–5).

⁷³ В начале февраля 1862 г. Головнин подал Александру II записку о цензуре. В ней министр указал на несостоятельность существовавшей предупредительной системы цензуры и обосновывал невозможность немедленного перехода к системе карательной. Предложения Головнина составили содержание Высочайшего указа от 10 марта 1862 г.

Ср. свидетельство Феокистова: «Головнин изыскивал все способы отделаться от находившейся в его ведении цензуры, и это очень понятно при тогдашних обстоятельствах; любопытны однако соображения, которые высказывал он по этому поводу посещавшим его литераторам; по словам его, министерству народного просвещения совершенно несвойственно сколько-нибудь обуздывать печать, прибегать к карательным против нее мерам, ибо с точки зрения этого министерства всякие мнения, даже самые превратные и которые принято считать вредными, должны быть высказываемы беспрепятственно; для него не существует ни безусловной истины, ни безусловной лжи, — оно обязано в интересах свободы оставаться беспристрастным зрителем борьбы мнений, с твердою уверенностью, что в борьбе такого рода истина восторжествует над ложью. Трудно и придумать, кажется, что-нибудь либеральнее и вместе с тем глупее этого. Старания Головнина увенчались успехом; цензура перешла в Министерство внутренних дел. В тот самый день, когда состоялось постановление об этом, Александр Васильевич прислал за мной и сообщил мне радостную для него новость.

— Наконец, — сказал он, — прекратились ненавистные отношения, существовавшие между Министерством народного просвещения и литературой; до сих пор литература имела право смотреть на него, как на своего врага; но следует ли из этого, что отныне всякая связь между ними порвана? Напротив, я думаю, что она должна быть теснее, чем когда-нибудь, только характер ее будет совершенно другого рода. В прежнее время Министерство народного просвещения преследовало печать, с этой же минуты оно обязано покровительствовать ей, не щадить средств для ее поощрения»: *Феокистов Е. М.*, 1929. С. 142–143.

⁷⁴ Ср. отзыв о нем И. Д. Делянова, записанный М. И. Семевским 25 марта 1891 года: «Александр Васильевич Никитенко был одарен от природы феноменальными способностями, это был гениальный самородок. Еще академик Ив. Ив. Давыдов говаривал: "Никитенко, это чудо природы, философ, профессор, академик, этот человек не только не ведает классических языков, но и не знает никакого языка иностранного". И действительно, Никитенко поражал своими

способностями, и если бы он получил серьезное образование, притом научное, то этот человек совершил бы многое для науки. И как чиновник он был также необыкновенно способным человеком: писал, работал на государственной службе с замечательной легкостью. Виделся я с ним весьма часто, он любил ко мне заходить, говорил витиевато, говорил, как писал, а писал, как говорил; но язык его был замечательно хорош. При этом надо заметить, впрочем, что Никитенко был человек очень самолюбивый, и нерасположение, которое сказывается в его записках, или дневнике Александру Васильевичу Головнину, видимо, происходит от личного раздражения за то, что тот его обидел каким-нибудь случайным образом»: СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 408. Л. 38.

⁷⁵ *Краевский Андрей Александрович* (1810–1889), журналист, издатель «Отечественных записок» и «Голоса», впоследствии чиновник государственной канцелярии.

⁷⁶ *Оболенский Дмитрий Александрович* (1822–1881), князь, сподвижник вел. кн. Константина Николаевича, директора департамента Морского министерства (1853–1857), статс-секретарь (с 1858), директор департамента таможенных сборов (с 1863), председатель комиссии по выработке нового закона о печати (с 1862), товарищ министра государственных имуществ (1870–1872), сенатор (с 1870), член Государственного совета (с 1872).

⁷⁷ В. А. Цеэ был назначен председателем Петербургского цензурного комитета 10 марта 1862 г. 14 января указом императора цензурные комитеты были переданы из МНП в МВД. Цеэ был уволен министром внутренних дел П. А. Валуевым от должности в конце мая 1863 г.

Ср. свидетельство Ф. Мейера, «Цеэ каждое утро, в 8 часов, принимал редакторов петербургских газет и давал им подробные инструкции; он сообщал, о каких текущих событиях можно говорить совершенно свободно, о каких следует до поры до времени помолчать, о каких, наконец, правительство совершенно не желало бы видеть известия в печати»: *Мейер Ф.* О русской эпохе великих реформ. (Из воспоминаний немца) // Вестник иностранной литературы. 1895. № 2. С. 113.

⁷⁸ *Андреевский Иван Ефимович* (1831–1891), юрист, историк государства и права, ректор Петербургского университета (1883–1887), директор Археологического института (1885–1891).

⁷⁹ *Воронов Андрей Степанович* (1819–1875), филолог и чиновник; преподаватель русского языка в Петербургском университете (1846–1860), директор училищ Санкт-Петербургской губернии (1850–1860), вице-директор Департамента МНП (с 1855), председатель Ученого комитета МНП (1862–1866) во время составления уставов университетов, гимназий и народных училищ, член Совета министра.

⁸⁰ Головнин же в своих «Записках утверждал, что «признавая вообще предварительную цензуру учреждением вредным и признавая свободу печати необходимою для успехов просвещения, но полагая притом, что для достижения оной необходимо идти медленно, осторожно, мерами переходными, и желая освободить Министерство народного просвещения от несвойственной ему полицейской обязанности, испросил в марте 1862 г. упразднение Главного управления цензуры, причем наблюдение за исполнением цензурными комитетами и цензорами их обязанностей возложено было на Министерство внутренних дел»: *Головнин А. В.*, 2004 С. 227.

Согласно указу от 10 марта 1862 г. Главное управление цензуры было упразднено, а его обязанности распределены между МНП и МВД. В ведении МНП осталась предварительная цензура, ему подчинялись цензурные комитеты. На МВД возлагалось наблюдение за вышедшими книгами и периодическими изданиями. См.: Обзор деятельности МНП и подведомственных ему учреждений в 1862, 1863 и 1864 годах. СПб., 1865. С. 28–29.

«Странное положение ныне цензуры, — отзывался об этих переменах цензор и академик А. В. Никитенко. — Она как-то раздвоилась: одною ногой стоит в Министерстве народного просвещения, а другою — в Министерстве внутренних дел»: *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 2. М., 1955. С. 265–266.

Подробнее о «двусмысленности» деятельности Головнина в цензурном вопросе см.: *Стафёрова Е. Л.*, 1995. С. 60–72.

⁸¹ На страницах «Московских ведомостей» на протяжении нескольких лет из номера в номер шла свирепая травля В.В. Головнина, которого Катков представлял вдохновителем того «духа либерализма, который не должен был быть более терпим между нами» (1863, № 178), между тем как, по словам Феоктистова, «в негодовании своем» Катков приписывал Головнину «такие свойства, каких у того не было и в помине» (*Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 131). Однако эти нападки подготовили отставку Головнина.

⁸² Головнин постоянно заботился о том, чтобы хотя бы часть чисто служебных материалов становилась достоянием общественности. Часть ведомственной информации распространялась через газету «Голос». Изданная МНП для комиссии Оболенского книга «Исторические сведения о цензуре в России» (1862), в которой раскрывались пагубность существующей цензурной системы», была пущена Головниным в общество в количестве 300 экземпляров.

⁸³ Проект устава о книгопечатании. СПб., 1862.

⁸⁴ Ср. вывод Стаферовой о непоследовательности Головнина в цензурном вопросе: «В течение 1862 г. Головнин руководил работами комиссии по составлению проекта Устава о книгопечатании, снабжая ее председателя, Д. А. Оболенского, многочисленными материалами и инструкциями, но в декабре, когда проект был готов, обрушился на него с резкой критикой, упрекая составителей проекта в том, что он "проникнут каким-то враждебным литературе направлением" и весь состоит "только из мер преследовательных и вовсе не представляет мер, которые имели бы целью развитие литературы, поощрение, содействие оной". Таким образом, Головнин полностью отстранялся от проекта и отрицал какое-либо свое участие в его составлении, что вызвало понятное возмущение Оболенского [...] В принципе допуская и оправдывая жесткие меры по отношению к литературе, министр возражал только против того, чтобы эти меры проводило его ведомство...»: *Стафёрова Е. Л.*, 1995. С. 64.

Под руководством Головнина были составлены Временные правила о печати от 12 мая 1862 г., ставившие литературу в жесткие рамки. Работа над цензурным законодательством завершилась созданием Временных правил о печати от 6 апреля 1865 г. в МВД под руководством министра Валуева. Головнин обрушился на этот документ с критикой, хотя многие из его положений были основаны на его указаниях. См.: Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденной 2 ноября 1869 года для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1870. Т. 1. С. 44–46.

⁸⁵ Эгерия, в римской мифологии пророчица-нимфа ручья, из которого весталки черпали воду для храма Весты; была подругой легендарного римского царя Нумы Помпилия; руководила его государственной деятельностью и вдохновляла его.

⁸⁶ «Никто не любил так много толковать об общественном мнении, — писал Феокистов, — как Головнин, и никто менее его не был чуток к этому мнению и не отличался большою неспособностью действовать на него. Мало общительный, замкнутый в очень тесном кружке людей одинакового с ним образа мыслей, усвоивший в Мраморном дворце навык к мелким интригам, он постоянно принимал миражи за действительность и в этом отношении оставался верен себе до конца»: *Феокистов Е. М.*, 1929. С. 155.

⁸⁷ Работы по пересмотру университетского устава начались еще в 1858 г. и усиленно велись после студенческих беспорядков в 1861 г. Новый устав был высочайше утвержден 18 июня 1863 г. и введен в действие в сентябре того же года. Устав предоставил университетам автономию, т. е. право выбирать ректора и профессоров, и большую самостоятельность в делах внутреннего управления, которое возлагалось на Совет университета.

⁸⁸ Новороссийский университет был учрежден 11 июля 1864 г. в составе трех факультетов: историко-филологического, физико-математического и юридического. Университет был открыт 1 мая 1865 г.

О роли Головнина ср. рассказ Долгорукова: «Головнин захотел увеличить число университетов (идея сама по себе прекрасная). В этих целях он задумал открыть новый университет не в Одессе, большом и многолюдном городе, а в Николаеве, городе, населенном преимущественно моряками и служащем доками для русского военного флота на Черном море. Головнин в свое время посетил Оксфорд и Кембридж и вернулся, преисполненный идеей, что университеты должны находится не в больших и людных центрах, а в городах средних размеров, чтобы занятия молодежи шли в обстановке тихой и спокойной. Эта идея, в принципе справедливая для стран старинной цивилизации, как Англия, Бельгия, Голландия, Германия, неприменима в России по двум причинам. Во-первых, университет является очагом просвещения в городе, в чем русские города еще очень нуждаются; а во-вторых, помещение университета в маленьком городке, плохо построенном и лишенном всяких удобств, каковыми являются почти все небольшие русские города, потребовало бы слишком больших расходов на строительство и на другие цели, несовместимых с бедностью русской казны. Идея Головнина была отвергнута и с основанием: выбор пал на Одессу, как и следовало, и Ришельевский лицей в Одессе был назначен к превращению в Новороссийский университет»: *Долгоруков П. В.*, 1934. С. 385.

⁸⁹ К пересмотру устава 1828 г. Министерство народного просвещения приступило в 1856 г. «Устав о гимназиях» был утвержден 19 октября 1864 г. По новому уставу гимназии делились на классические (с греческим и латинским языками) и реальные, где вместо греческого языка преподавали естествознание.

⁹⁰ Не было выполнено.

⁹¹ Начальные народные школы могли учреждаться как обществами, так и частными лицами, для этого требовалось только разрешение уездного училищного совета. Новое положение предоставляло земствам большой простор в учреждении и администрации народных училищ.

⁹² Гимназию в Николаеве Головнин собирался открыть в связи с планируемым им учреждением университета в Николаеве. После того как предпочтение было отдано Одессе, надобность в этой гимназии отпала.

⁹³ В ведомстве Министерства народного просвещения находились три лица: Ришельевский в Одессе был преобразован в Новороссийский университет; Демидовский в Ярославле и кн. Безбородко в Нежине. Планы Головнина преобразовать Ярославский лицей в технологический институт а Нежинский — в агрономическую школу не увенчались успехом: Головнин А. В. Записки для немногих. С. 257–259.

⁹⁴ Не было выполнено.

⁹⁵ Не было выполнено при Головнине.

⁹⁶ Не было выполнено.

⁹⁷ При Головнине стали регулярными командировки профессорских стипендиатов за границу. См.: Извлечения из отчетов лиц, приготавливающих к профессорскому званию, за границей и в России, на счет Министерства народного просвещения. СПб., 1862–1866. Ч. 1–8.

⁹⁸ *Блудов Дмитрий Николаевич* (1785–1864), граф (1842), делопроизводитель верховной следственной комиссии по делу о декабристах (1826), статс-секретарь, товарищ министра народного просвещения (1826–1832), главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (1828–1832), министр внутренних дел (1832–1838), министр юстиции (1838–1839), главноуправляющий II отделением собственной е. и. в. канцелярии и председатель департамента законов Государственного совета и комитета министров (с 1862 г.), президент Академии наук (с 1855 г.).

⁹⁹ *Делянов Иван Давыдович* (1818–1897), выпускник юридического факультета Московского университета; с 1858 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа, с 1861 г. директор департамента Министерства народного просвещения, с 1866 г. товарищ министра, с 1882 по 1897 г. министр народного просвещения. Кареев метко охарактеризовал его как «хитрого армянина», который «все время опасался, как бы его о чем-либо не спросили власть предержащие, а он бы не знал, что ответить»: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 182–183.

Ср. рассказ Феоктистова: «Назначению его министром много помог Катков; я говорил тогда Михаилу Никифоровичу, неужели он ожидает от этого чего-нибудь путного. ‘За кого же вы меня принимаете, отвечал он, для меня вовсе не тайна, что Иван Давыдович беспомощный человек, что всякое дело валится у него из рук, но мой глаз будет зорко следить за ним; пока я здесь, он не решится сделать ни одного шага, не посоветовавшись со мной’. Катков не предвидел, что дни его сочтены и что, оставшись без руководителя, Иван Давыдович будет представлять собой крайне печальное зрелище» (Цит. по: *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. С. 103).

Уже к концу 1882 г. был подготовлен проект нового устава, а с начала 1884–1885 учебного года он был введен в действие (вопреки мнению большинства членов Государственного совета). Университетский устав был первым опытом пересмотра либеральных реформ 1860-х гг. обычным законодательным путем. Устав вызвал у М. Н. Каткова известное восклицание: «Итак, господа, встаньте, правительство идет, правительство возвращается! Не верите?».

¹⁰⁰ *Строганов Сергей Григорьевич* (1794–1882), граф, генерал, член Государственного совета; попечитель Московского учебного округа (1835–1847), московский военный губернатор (1859–1860); председатель комитета железных дорог (1863–1865); попечитель наследника Николая Александровича и его братьев Александра, Владимира и Алексея.

¹⁰¹ *Буслаев Федор Иванович* (1818–1897), филолог, искусствовед, домашний учитель в семье гр. С. Г. Строганова, вместе с которой он путешествовал по Германии, Австрии и Италии (1839–1841); с 1848 г. адъютант, с 1850 г. экстраординарный, с 1859 г. ординарный, с 1873 г. заслуженный профессор Московского университета, ординарный академик Имп. АН с 1860 г.

¹⁰² Оспаривая решение Комиссии Строганова отложить усиление денежных средств Академии наук, Головнин заметил: «Таким образом, в личном составе нашей Академии наук есть уже и теперь немало не занятых мест, и среди академиков немало людей престарелых, которые могут занимать свои места лишь недолго; между тем, все эти вакансии большею частию должны бы оставаться незанятыми именно вследствие неизвестности, в которую была бы поставлена академия оставлением ее устава без рассмотрения.

Если бы с утверждением устава были решены главные и существенные пункты устройства академии, то это дало бы ей возможность соответственно с тем пополнять свои ряды, а достойные представители науки, зная, что положение академиков со временем улучшится, охотно принимали бы приглашения занять в академии место, которое они при нынешнем положении членов академии и в случае неизвестности относительно улучшения его в будущем не считали бы для себя удобным принять Незамещение же академических мест, иногда по самым основным и существенным наукам, особенно же при малом вообще числе этих мест, неизбежно повлекло бы к ослаблению. Ученой деятельности Академии, а следовательно, и к ее упадку. Привести же ее в такое состояние гораздо легче, чем потом снова поднять ее. Точно так же в означенном случае были бы парализованы действия академии относительно предполагаемых ею ученых предприятий, устройства ее музеев и других отраслей ее ученой деятельности»: *Головнин А. В.*, 2004. С. 333.

¹⁰³ *Норов Авраам (Абрам) Сергеевич* (1795–1869), писатель, библиофил, историк и государственный деятель; участник Отечественной войны 1812 г., в сражении при Бородино был ранен и потерял ногу. С 1850 г. товарищ министра народного просвещения, в 1853–1858 гг. министр народного просвещения. При нем был увеличен прием студентов в университеты, введена заграничная стажировка для профессорских стипендиатов. Ординарный академик по ОРЯС с 1851 г.; председатель Археологической комиссии с 1861 г.

¹⁰⁴ *Ковалевский Евграф Петрович* (1790–1867), горный инженер и государственный деятель, с 1826 г. командир Горного корпуса, провел первое крупное исследование геологического строения Донбасса; сенатор (с 1843), попечитель Московского учебного округа (1856–1858), министр народного просвещения (1858–1861), член Государственного совета и президент Вольного экономического общества (с 1861). Имел репутацию умелого и либерального администратора. Будучи министром, поднял вопрос о всеобщем начальном образовании, содействовал созданию народных училищ и воскресных школ. В июне 1861 г. подал в отставку, отказавшись применить строгие меры воздействия против студенческих выступлений. Почетный член Имп. АН (с 1856).

¹⁰⁵ «Читая в академических ведомостях о многочисленности посетителей недавно открытого в Москве Румянцевского музея, — писала газета, — и что внимание публики более всего привлекает зоологический отдел, мы невольно вспоминаем про зоологический кабинет при нашей Академии наук, известный под именем Кунсткамеры. Нам очень было бы желательно, если бы кто-нибудь объяснил нам, от самой Академии мы, конечно, подобного объяснения и ожидать не смеем, для какой собственно цели существует вышесказанный кабинет?... Сколько мы припоминаем, Петр Великий, учреждая Кунсткамеру, не только не думал заграждать в нее доступ публике, но для привлечения ее даже приказал предлагать угощение посетителям. Полтора года спустя первенствующее сословие, для которого образование народа должно бы быть не только нравственной обязанностью, но, так сказать, инстинктивным влечением, вместо того, чтобы сделать впуск в кунсткамеру свободным круглый год, Академия открывает ее публике только в одно из четырех времен года на один день в неделю — понедельник, и то только от 10 до 2-х часов по билетам, которые можно получать только по субботам в известные часы... Благодаря отсутствию тротуаров около ее зданий мы не раз, утопая в грязи, подвергались опасности быть раздавленными проезжающими экипажами»: Северная пчела 12 июля 1862 г.

¹⁰⁶ По вопросу о том, в какой мере можно сделать музеи Академии более доступными // Записки Имп. АН. 1863. Т. 3. Кн. 1. С. 56–75.

¹⁰⁷ Донесение Комиссии, представленное Академии в заседании Физико-математического отделения 5 декабря 1862 г. // ЖМНП. 1863. Февр. Отд. 2. С. 176–194.

¹⁰⁸ Бэр высказывался за планомерную организацию антропологических и археолого-этнографических научных экспедиций для изучения доисторических древностей, выясняющих историю живущих на территории России народностей: *Бэр К. М.* О собирании доисторических древностей в России // Записки ИАН. 1862. Т. 1. Кн. 1. С. 115–123; *Baer K. E.* Vorschlag zur

Ausrüstung von archeologischen Expeditionen innerhalb des Russischen Reiches // Bulletin de l' Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. 1864. T. VII. S. 288–295.

¹⁰⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1864. Д. 4: О преобразовании музеев Академии в центральный публичный музей.

¹¹⁰ *Ханыков Николай Владимирович* (1822–1878), ориенталист и этнограф, исследователь Средней Азии и Кавказа, участник Хивинской экспедиции (1839–1840 г.), посольства в Бухару (1841–1842 г.), генеральный консул в Тавризе (1854–1857), служил в Азиатском департаменте МИД (1854–1857), руководил Хорасанской экспедицией (1858–1859), автор капитального труда «Иран» (1874).

¹¹¹ *Веселовский К.С.* Эпизод из истории «С.-Петербургских Ведомостей»: Воспоминание академика К. С. Веселовского // Русский архив. 1893. Т. 7. С. 391–398.

¹¹² *Корш Валентин Федорович* (1828–1893), журналист, в 1863–1874 гг. издатель газеты «С.-Петербургские ведомости». Академия наук передала в аренду это издание в 1847 г. Очкину. В 1853 г. тот привлек к делу редактора-издателя «Отечественных записок» Краевского и в 1855–1862 гг. сумел увеличить число подписчиков до 12 000, так что газета стала давать до 50 000 руб. ежегодного дохода. Тем не менее, по окончании контракта Веселовский попытался передать газету Каткову. Но переговоры с ним не привели к успеху, и он вскоре взял «Московские ведомости», а «Санкт-Петербургские» перешли к прежнему издателю «Московских» Коршу. За право издания «С.-Петербургских ведомостей» Корш платил Академии наук ежегодно сначала 15 000 рублей, а через несколько лет 13 000. Газета печаталась в академической типографии на средства Корша. Представитель умеренного либерализма, Корш защищал в газете реформы 60-х гг., и министра Головнина. Именно при нем Щедрин назвал газету «Всероссийской пенкоснимательницей». После ухода Головнина Корш настроил против себя Министерство народного просвещения нападениями на реформы нового министра Толстого, которого защищал Катков как поклонник классицизма. Вскоре ведомости были изъяты из ведения Академии и с 1 января 1875 г. перешли в ведение Министерства народного просвещения, и Академия наук перестала участвовать в издании газеты. Число подписчиков после этого преобразования резко упало.

¹¹³ Ср. рассказ Веселовского о том, как «Краевский нашел себе дорогу к сердцу министра народного просвещения и при его поддержке основал свою ежедневную газету "Голос", с характером официоза Министерства народного просвещения, который [...] радушно открыл свои столбцы, вероятно в интересах народного просвещения, беспрестанным и всяческим нападениям на Академию наук»: *Веселовский К.С.* Эпизод из истории «С.-Петербургских Ведомостей»: Воспоминание академика К. С. Веселовского // Русский архив. 1893. Т. 7. С. 398.

¹¹⁴ Современник. 1863. Кн. 10. С. 403–409. В статье речь шла о подготовке издания: Сочинения Державина, с объяснительными замечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1.

Подготовленное Гротом собрание сочинений Г. Р. Державина в 9-ти томах было завершено в 1883 г. и считается образцовым.

¹¹⁵ Суть «менделеевской истории» в следующем: Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), член-корреспондент ИАН с 1876 г., несколько раз выдвигался в действительные члены Академии наук, но избран не был. Забаллотирование в 1880 г. профессора Петербургского университета Менделеева вопреки заявлению как представителя химии в Академии наук Бутлерова, так и всех остальных русских химиков произвело на русских ученых удручающее впечатление. Газеты изобразили дело так, что в Академии голос людей науки подавлялся противодействием темных сил, которые ревниво затворяли двери Академии перед русскими талантами: Подробнее см. *Бутлеров А. М.* Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге? Русь, 1882, № 7, 18–22, № 8, 15–20 *Князев Г.А.* Д. И. Менделеев и Императорская Академия // Вестник АН СССР. 1931. № 3. Стб. 27–34; *Дмитриев И. С.* Скучная история // Человек эпохи перемен: Очерки о Д. И. Менделееве и его времени. СПб., 2004. С. 397–458.

¹¹⁶ *Орлов Николай Алексеевич* (1827–1885), князь, генерал от кавалерии, состоял при вел. кн. Константине Николаевиче (1846–1848), посол в Бельгии (1859–1869) и во Франции (1871–1884).

¹¹⁷ *Уваров Сергей Семенович* (1786–1855), граф, попечитель Петербургского учебного округа, министр народного просвещения (1833–1849), президент Академии наук (1818–1855), член Государственного совета (с 1834).

¹¹⁸ *Безобразов В. П.* Граф Федор Петрович Литке // Записки Имп. АН. 1888. Т. 57. Приложение.

¹¹⁹ См. Письмо А. В. Головнина К. С. Веселовскому от 28. 01. 1865 (СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 2. Д. 37. Л. 3).

¹²⁰ *Бодянский Осип (Иосиф) Максимович* (1808–1877), славист, профессор Московского университета, член-корреспондент Имп. АН с 1854 г.

¹²¹ Замечания русских университетов на проект нового устава Академии наук // Отечественные записки. 1866. Апрель. С. 185–187.

¹²² *Шульгин Иван Петрович* (1795–1869), профессор истории и географии в Лицее (с 1816), профессор петербургского университета (с 1833), декан историко-филологического факультета и ректор Петербургского университета (с 1834), член-корреспондент (с 1834 г.), почетный член (с 1841) Имп. АН по ОРЯС, преподавал историю и статистику вел. кн. Константину Николаевичу.

¹²³ Извлечение из журналов собраний Совета Императорского С.-Петербургского университета. Заседание 27 марта // ЖМНП. 1865. Ч. 126. Июнь. С. 592–599.

¹²⁴ Узнав о своем увольнении, Головнин при прощании с Феокистовым подробно рассказал ему о том, «как состоялось его падение и коснулся, между прочим, своего преемника. — Вы знаете лично графа Толстого? спросил он меня. На отрицательный мой ответ он продолжал: — Нельзя отказать ему ни в уме, ни в способностях, ни в трудолюбии, но есть у него недостаток, который, как мне кажется, будет очень вредить его успехам. Меня всегда удивляло, что этот человек, в свои еще далеко не старые годы, усвоил себе ультраконсервативный образ мыслей. Решительно, по мнению А. В. Головнина, без либерализма, который в шестидесятых годах проповедовали наши газеты и журналы, не было спасения для России!»: *Феокистов Е. М.*, 1929. С. 156.

¹²⁵ *Каракозов Дмитрий Владимирович* (1840–1866), член Московского революционного кружка Н. А. Ишутина, стрелял 4 апреля 1866 г. в Александра II; задержан на месте преступления, казнен 3 сентября 1866 г.

¹²⁶ «Кто-то из сателлитов Головнина возвестил, что он выходит, но не вследствие своих пронырств, несостоятельности и бестактности, а вследствие будто бы разбития партии константиновцев, павшей благородной жертвой, отстаивая свободу и либеральные начала и спасая Польшу из когтей ярой русской партии. Это курьезно! Перевалившись за 46 лет, я много видел на своем веку государственных плутов в России, но не видал еще ни одного, который бы так глупо расквасил себе морду, как Головнин. В мазурничестве у него недостатка нет, — и самого подлого свойства; но не хватило простого такту, при котором он мог бы пакостить очень долго и совершенно безнаказанно»: *Вестник Европы*. 1917. Кн. 3. С. 178-179.

¹²⁷ Гулынки, родовое имение Головниных в Пронском уезде Рязанской губернии. Сразу после издания Манифеста 19 февраля 1861 г. Головнин подписал уставную грамоту, по которой крестьяне в Гулынках увольнялись на выкуп на выгодных для них условиях. На свои средства Головнин построил в селе каменную церковь св. Троицы в память о 19 февраля 1861 г., начальное училище для мальчиков, а позже и для девочек, каменный дом для учителей. В училище были устроены метеорологическая станция, кабинет физики и две библиотеки, общедоступная и учебная. Головнин на свои средства содержал учебные заведения, которые после его смерти «осиротели».

¹²⁸ Тускул, римский город в Албанских горах, был застроен виллами, одна из них принадлежала Цицерону. В своих «Тускуланских беседах» он называет свою виллу Тускуланум местом покоя и размышлений.

¹²⁹ Заключительные слова трагедии А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец».

¹³⁰ *Вогюэ Эжен Мелькиор де* (Eugène Melchior de Vogüé, 1848–1910), французский писатель и историк литературы.

Список сокращений

Головнин А. В., 2004 — *Головнин А. В.* Записки для немногих / Отв. состав. и научн. ред. д.и.н. Б. Д. Гальперина. СПб., 2004.

Долгоруков П. В., 1934 — *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта 1860–1867 / Собрал и подготовил к печати П. Е. Щеголев, дополнил и снабдил введением и примечаниями проф. С. В. Бахрушин. М., 1934.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

Записки Имп. АН — Записки Императорской Академии наук

Ковалевский П. М., 1909 — *Ковалевский П. М.* Власть предрержащие. У Чернышева моста // Русская старина. 1909. № 2. С. 301–312.

Феоктистов Е. М., 1929 — *Феоктистов Е. М.* Воспоминания: За кулисами политики и литературы. 1848–1896 / Ред. и прим. Ю. Г. Оксмана. Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. Л., 1929.

Чичерин Б.Н., 1929 — *Чичерин Б.Н.* Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929.

Содержание

Предисловие 3

К.С. Веселовский. Записки и воспоминания о моем лицейском товарище, бывшем министре народного просвещения Александре Васильевиче Головнине 6

Комментарии 79

Список сокращений 119

